

eISSN 2311-2468
Том 7, № 4. 2019
Vol. 7, no. 4. 2019

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

АНТОНОВА Е. В.

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ¹

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования национальной идентичности в Российской Федерации на современном этапе. Выявляются проблемы и перспективы в этой области с учетом взаимовлияния внутренних и внешних факторов. Делается вывод о необходимости устранения проблем, препятствующих формированию идентичности в современном российском государстве.

Ключевые слова: Российская Федерация, национальная идентичность, международная политика, российское общество, глобализация.

ANTONOVA E. V.

RUSSIAN IDENTITY FORMATION IN THE CONTEXT

OF INTERACTION OF INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS

Abstract. This article discusses the features of the formation of national identity in the Russian Federation at the present stage. The problems and prospects in this area are identified, taking into account the interaction of internal and external factors. A conclusion is made that it is necessary to eliminate the problems that prevent the formation of national identity in the modern Russian state.

Keywords: Russian Federation, national identity, international politics, Russian society, globalization.

Проблематика формирования национальной политической идентичности и ее отдельных компонентов в Российской Федерации необычайно актуальна в условиях взаимопереплетения внешних и внутренних факторов. Непростая социально-экономическая ситуация в условиях сложного состава населения страны побуждает признать задачу укрепления общей российской идентичности как одного из драйверов усиления консолидации общества и российской нации в целом, повышения способности государства эффективно и адекватно реагировать на внешние угрозы и вызовы.

Политика идентичности приобретает исключительную важность в современном российском и международном контексте. Она предполагает определенную ориентацию в мире политики, основанную на уже существующей социальной идентичности. Можно сказать, что в данном аспекте идентичность предшествует политике. При проведении

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи», № 18-011-00364 А.

политики идентичности следует исходить из имеющихся идентичностей, характерных для общества и имеющих отдельные политические черты, а затем уже придавать им собственно политическое измерение.

С 50-х годов XX века слово «идентичность» прочно вошло в научный обиход и в массовое сознание. В отечественной политической науке проблематика формирования российской идентичности подробно исследована в работах Н. А. Головина, И. С. Семененко, Ю. Г. Волкова, А. В. Верещагиной, В. В. Титова и др. Авторы выявляют особенности формирования идентичности в постсоветской России, делая вывод о необходимости развития баланса гражданского, государственного, а также этнического аспектов идентичности в России.

Под идентичностью обычно понимают некую доминанту сознания (индивидуального или коллективного), которая иерархизирует, систематизирует его остальные элементы, причем этот выбор осуществляется субъектом (индивидуальным или коллективным) добровольно или под влиянием внешних обстоятельств, но после глубокого их осмысления, тщательного взвешивания всех «за» и «против». В научной мысли данная ментальная конструкция является предметом анализа в антропологии, социологии, психологии, отчасти исторических и политических наук [4, с. 5]. Вместе с тем, содержание категории трактуется неоднозначно и, прежде всего, в плане ее институционального статуса и регулятивной роли.

В общенаучном плане идентичность – набор самохарактеристик субъекта, выражающих ролевые предписания (в том числе соответствующие качества, навыки) и статусы (принадлежность индивида к определенной группе, символический капитал и т.п.). Данные регулятивы составляют ключевые моменты наличной жизненной ситуации субъекта, а также его жизненного пути, в том числе планируемого. Вместе с тем данный набор отражает основной репертуар препозиций, образующий социум. Иными словами, в качестве идентичностей выступают установки, необходимые для функционирования и развития социальной общности.

Следовательно, вопрос конструирования политической идентичности теснейшим образом связан с социальными и культурными особенностями общества. Ведь социальная идентичность «складывается в процессе самоотождествления человека с социальными институтами и отношениями» [4, с. 6].

А. П. Садохин понимает идентичность как «осознание человеком своей принадлежности к какой-либо социокультурной группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире» [3, с. 57]. Разные социальные слои и группы ориентируются на различные идентичности, ставя их во главу угла своих социальных и политических позиций.

Кроме того, возрастает необходимость изучать идентичность государства в русле международной политики: в частности, в том ключе, в котором оно позиционирует себя на международном уровне.

Россия – государство, чье поведение и международная политика вызывают устойчивый интерес и привлекают особое внимание. Наша страна отстаивает ценности суверенитета: причем не только для себя, но и для других, а также выражает безусловную приверженность принципам равноправия и уважения в решении мировых дел. Российская Федерация выступает и воспринимается как сила, которая имеет свой вес, свое слово и свою позицию практически по любому вопросу. Следует подчеркнуть, что в ее внешней политике в значительной степени преломляются традиции, возникшие и утвердившиеся в течение нескольких столетий под воздействием совокупности геополитических, культурных, экономических и этнополитических и иных факторов.

Заметим, что ранее более существенный акцент делался на формировании этнической (иногда синонимично называемой национальной) идентичности, подчеркивающей своеобразие, уникальность, часто амбициозность отдельных групп, в первую очередь опирающихся на культурную, этническую, этноконфессиональную, этноисторическую основу. И это при том, что многие ученые не всегда могут определиться с единым набором признаков формирования национальной идентичности [5, с. 159].

В геополитическом плане Российская Федерация – евразийская держава, имеющая европейскую и азиатскую части. Россия располагает огромными природными ресурсами, включая те, которые учеными признаются ключевыми на перспективу – запасы пресной воды, водорода и пр., а также длительными традициями государственности, успешным опытом сосуществования и диалога народов и культур. Русский язык имеет статус одного из мировых языков, языков Организации Объединенных наций (ООН) и служит языком межнационального общения как минимум на пространстве бывшего Советского Союза. Таким образом, русская (как и иная) национальная идентичность имеет определенную духовно-материалистическую почву. Эти моменты значимы и для успешного формирования общегражданской идентичности, поскольку предполагают наличие необходимой базы, фундамента более слитной целостности.

Для формирования идентичности каждой нации важно определение контуров национального самосознания. Неслучайно одно из центральных мест в дискурсе постсоветской России занимает сложившееся на протяжении нескольких столетий историческое сознание, оказывающее влияние на сознание национальных элит (не всегда с положительным знаком), а затем сказывающееся на повседневных настроениях.

Современное российское общество, все более включающееся в глобализирующийся мир, столкнулось с кризисом важнейших ценностей современности; таких как прогресс, свобода, равенство, счастье, благоденствие и т.д. Кроме того традиционные идеологии находятся в глубочайшем кризисе (социализм, коммунизм, социал-демократия и др.), а идеология «общества потребления» все более укрепляется. Каждому члену общества навязываются желания и модели поведения, он лишается способности мыслить критически и уже не может вырваться из круга производства и потребления. В современных условиях российскому обществу все сложнее осознать направление, ориентиры исторического процесса. Подобные радикальные трансформации во взглядах на исторический процесс «отрезают» российский социум от прошлого, как и от будущего, и блокируют его в бесконечном настоящем.

Следует подчеркнуть, что отсутствие четкого образа будущего лишает общество возможности полноценно анализировать настоящее и оценить его в «длительном времени» [2, с. 28]. Так, например, в экономической сфере постоянно присутствует озабоченность слабым ростом, хотя одновременно не затрагивается вопрос о направлении и типе этого роста, который уже давно изменился по своей сути. Растет тревога по поводу уровня безработицы и неполной занятости, хотя фактически в пространстве глобализирующегося мира речь идет об определенной форме уменьшения рабочего времени, которое всегда присутствовало в концепции современности. Мы постепенно отходим от модели общества труда ввиду того, что сама природа труда и производства материальных благ в корне изменилась.

Далее следует затронуть проблему трансформации социальных связей в российском обществе. Зачастую их изменение и частичный разрыв негативно воспринимаются в обществе, а индивидуализм начинает широко критиковаться. Кроме того, ослабление чувства гражданственности тревожат граждан, хотя в настоящее время гражданственность может выражаться через иные формы.

Таким образом, забвение историко-политических предпосылок ведет к утрате комплексного видения и понимания глубинных тенденций, которые вписываются в процесс постепенной модернизации общества. Помимо исчезновения чувства исторического, фиксация жизни общества на одном образе настоящего не может не вызывать тревогу. «Тирания» режима реального времени или момента, которая без остановки сжимает время и требует немедленных действий, является источником разочарования. Неопределенность будущего порождает постоянную тревогу, особенно если в массовом сознании появляется мысль о том, что завтра будет хуже, чем вчера и что жизнь наших потомков может оказаться тяжелее нашей. Современность всегда имела проекцию в будущее, она даже его создавала.

Проблема отсутствия горизонта будущего для современной личности в рамках российского общества крайне остра [2, с. 29].

Стоит отметить, что взгляд современных граждан на реальность более требователен, и они по многим вопросам критически настроены по сравнению со старшим поколением. Кроме того, значительно возросла «ценность» человеческой жизни. Любое посягательство на физическую, моральную или психологическую неприкосновенность личности воспринимается крайне негативно. Права человека значительно расширились в массовом сознании, что контрастирует с положением с ними в реальности. Общество становится все более внимательным к условиям труда, экологической обстановке. Подобные примеры подтверждают тезис о том, что фокус современного российского общества сместился на отдельные личности, для которых ценности автономии, свободы и равенства прав становятся ключевыми.

В данном контексте вполне уместно отметить, что при усилении значимости равенства повышается чувствительность общества к неравенству и дискриминации. Чем больше становится свобод, тем более нетерпимо воспринимается их ограничение. Как результат постоянной и избыточной рекламы, ожидания молодого поколения от жизни, причем от жизни успешной во всех отношениях, значительно превышают запросы граждан старшего возраста.

В результате происходит глубокий разрыв между ожиданиями граждан и реальностью. Он приводит к тотальной неудовлетворенности, которая не только затмевает реальный прогресс, но вызывает неадекватное восприятие реальности. Можно сказать, что тихая культурная революция, вызванная индивидуализацией, автономизацией и изменениями в информационной сфере, не нашла адекватного отражения в трансформации общественных и государственных институтов, которые воспринимаются как безнадежно устаревшие. Эта проблематика новой личности в старом мире порождает напряжение в обществе. Самое опасное, что помимо эволюционного пути прогресса вероятность революционного сценария, как показывает история, все-таки сохраняется. Ведь накопившийся конфликтный потенциал может при определенных условиях стать реальным.

В то же время необходимо отметить положительные тенденции в формировании российской идентичности. Так, значительное позитивное влияние оказывает православие, которое значимо также в инструментарии «мягкой силы» России во внешнем измерении. Отличительными признаками обладает позиция России и на международной арене, т.к. ее политика, ориентированная на создание внутренней государственной идентичности и защиту традиционных ценностей, отличается от политики, разрабатываемой в ряде других стран.

Поэтому Россия представляется нередко как уникальное государство с собственной национальной идентичностью [1, с. 54].

Согласно официальной точке зрения внешняя политика России, как и внутренняя, не исходит из политической идеологии. Это можно рассматривать и с позитивной (отсутствие жесткого диктата, навязывания), и негативной (неспособность быть альтернативным лидером по отношению к США по отстаиванию собственной ценностной модели в глобальных масштабах) точек зрения. На различных площадках Россия выступает за урегулирование международных проблем на коллективной основе в строгом соответствии с нормами международного права. Эта убежденность находится в основании стратегии позиционирования страны на мировой арене. При этом сфера деятельности России постоянно расширяется и включает международное сотрудничество, направленное на противодействие новым глобальным угрозам и вызовам [1, с. 56], что может способствовать укреплению веса и авторитета страны как международного актора.

Обобщая, следует подчеркнуть, что идентичность России формируется в тесной взаимосвязи внешних и внутренних факторов и тенденций и приобретает значительную ценность в международном порядке. Однако не стоит забывать о продвижении внутренних эволюционных изменений, ориентированных на рост национального благосостояния, развитие прав и свобод человека, сохранение общекультурных ценностей. Они, несомненно, благотворно скажутся на статусе российского государства и состоянии общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубев В. Б. Нация и современная Россия. Духовная сфера общества // Человек-Философия-Гуманизм. – 2016. – № 13. – С. 49–60.
2. Огорокова М. П., Григорьев Н. А. Политическая идентичность молодежи в контексте российского федерализма // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 12. – С. 26–30.
3. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М, ИНФРА-М. 2004. – 288 с.
4. Семененко И. С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2011. – Т. 7. – № 2. – С. 5–24.
5. Сенцов А. Э., Сакашев А. А. Проблемы будущего в современной российской политической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6. – С. 158–160.

БАЛЧУГОВ А. В., ФОМЕНКОВ А. А.

**ПОЛИТИЗИРОВАННЫЙ ПРОВЛАСТНЫЙ БЛОГИНГ В РОССИИ: РАЗВИТИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ И МИНИМУМ БЕЗОГОВОРЧНОЙ ПОДДЕРЖКИ**

Аннотация. В статье выявляются значимые особенности провластного политизированного блогинга в России. В качестве примера взят популярный блог zergulio.livejournal.com. Выявляются наиболее важные внутривластные проблемы, освещаемые в данном блоге, и объекты критики. Сделан вывод о малом уровне сервильности, но довольно высоком уровне критики ряда чиновников и провластно настроенных деятелей культуры.

Ключевые слова: блогинг, власть, критика, В. В. Путин, Единая Россия, поддержка, сервильность.

BALCHUGOV A. V., FOMENKOV A. A.

**POLITICIZED PRO-GOVERNMENT BLOGGING IN RUSSIA:
MORE CRITICISM THAN SERVILITY**

Abstract. The article identifies the significant features of pro-government politicized blogging in Russia. In this connection the popular blog zergulio.livejournal.com is studied. The most important home problems highlighted in this blog and the objects of criticism are revealed. The conclusion is drawn about the low level of servility, but a rather high level of criticism of a number of government officials and pro-government cultural figures.

Keywords: blogging, power, criticism, V. V. Putin, United Russia, support, servility.

В настоящее время новые медиа в целом и блоги в «Живом Журнале» в частности стали значимыми акторами в сфере массовых коммуникаций. В полной мере касается это и Российской Федерации [4; 18]. Важно подчеркнуть, что часть блогов носит политизированный характер, а сами блогеры зачастую выходят за рамки виртуального пространства, уходя в реальную политику: например, входя в состав общественных палат разного уровня или баллотировавшись в депутаты.

Нельзя не признать, что степень изученности проблематики, связанной с политизированной блогосферой, сравнительно невелика. Разумеется, за 10 с небольшим лет написаны работы по этой проблематике, однако нельзя не признать: сами блоги за это время менялись, существенно трансформировалась атмосфера, а потому часть выводов, вполне достоверных применительно к рубежу 2000-х – 2010-х годов, сейчас уже мало актуальна. Среди отечественных исследователей, занимающихся изучением этой проблематики, уместно отметить как филологов (например, Е. И. Горшкову [5], Л. Р. Диасамидзе [8],

А. В. Замилову [10], К. Л. Зуйкину [11], А. А. Калашникову [13], А. А. Попова [26], И. Г. Сидорову [29], М. А. Фокину [32], А. А. Шмакова [33]), так и политологов (прежде всего, О. Е. Гришина [6, 7], А. А. Жужлова [9], Ю. И. Нестеренок [21], А. В. Роменкова [28]). Важно подчеркнуть, что авторами изучены многие стороны функционирования отечественной блогосферы, однако мало проанализирована её идеологическая составляющая. Судя по всему, также недостаточно изучена проблема правового регулирования ведения блогов, однако в целом этот аспект проблемы выходит за рамки нашей статьи.

При этом в последние годы можно утверждать, что полемика по политическим проблемам стала более интересной именно в виртуальном пространстве в сравнении с тем, что происходит за его пределами. Например, здесь можно вспомнить акции против повышения пенсионного возраста в России – хотя проблемы, связанные с данной реформой, волнуют многих жителей России [24], причём в санкционированных акциях участвовал лишь незначительный процент населения. Например, в Москве таковых было не более 10000 человек [30]. Кроме того, нельзя не признать, что мало кто из политически активных россиян может вспомнить программный текст или какое иное публичное выступление за последние несколько лет кого-либо из лидеров трёх парламентских фракций (Г. А. Зюганова, В. В. Жириновского и С. М. Миронова), которое бы активно обсуждалось в обществе. А ведь, по идее, как минимум, первому и второму из них есть что сказать гражданам, ибо помимо богатого политического опыта они ещё и обладают учёной степенью доктора философских наук и написали немало работ (особенно В. В. Жириновский, написавший в прошлом 20 книг). Впрочем, если и запомнился он в последние годы, то только скандалами, причем отнюдь не в сфере идеологии. То есть не лидеры политических партий и не видные их представители вызывают своими идеями интерес у политизированной публики, но иного рода деятели, а именно блогеры.

Полемика в виртуальном пространстве может быть охарактеризована как «буря в стакане воды» (так, кстати, и считалось лет 8–10 назад), однако в настоящее время такая точка зрения уже устарела. В самом деле, многие традиционные СМИ имеют куда как меньшее число читателей и зрителей, нежели некоторые блогеры. Кроме того, не надо забывать, что содержание СМИ – дело затратное, в то время как ведение блога в интернете – занятие довольно дешёвое и доступное многим. Разумеется, у блогинга есть и недостатки: зачастую это меньший профессионализм в сравнении с традиционными СМИ, меньшая самоцензура авторов [12; 14]. В некоторых случаях качество контента в блоге может быть охарактеризовано как «откровенно низкое» (впрочем, даже в этом случае число подписчиков может быть немалой величиной). Важно также отметить, что в рамках политизированного

сегмента российской блогосферы поднимается большое количество проблем, действительно интересующих широкие слои населения. В определённой степени можно утверждать, что именно в интернете сейчас в основном и ведутся идеологические споры, а не в отечественных «Гайд-парках» в рамках реального пространства.

Некоторым оппозиционерам свойственно записывать в число так называемых «ольгинских троллей» почти всех блогеров провластной направленности, что не соответствует реальной действительности. Объективным следует признать утверждение, что как среди оппозиционеров и умеренных оппонентов действующей власти есть весьма интересные авторы (например, Илья Варламов, Максим Калашников, Анатолий Несмиян), так и среди провластного сегмента также наличествуют качественные блогеры. Одним из таковых, по нашему мнению, является екатеринбуржец Сергей Колясников (блог – <https://zergulio.livejournal.com>). Его блог зарегистрирован как СМИ (в соответствии с нормами Федерального закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 года «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [31]), имеет общероссийскую известность и является одним из самых читаемых в уральском регионе.

Нельзя не признать, что в его блоге немало постов, посвящённых именно поддержке действующей в стране власти [см., напр. 20] и неприятию радикальной оппозиции [17] – это более чем естественно для члена Общероссийского народного фронта (ОНФ), каковым является С. Колясников. При этом подчеркнём, что автор блога выражает поддержку, прежде всего, главе государства, а не власти в целом. Внесистемная оппозиция критикуется не только за безответственность и популизм, но в том числе и за связи с должностными лицами США.

При этом С. Колясников нередко и критикует представителей действующей власти. В прошлом он активно боролся против компании-застройщика в Карелии, тесно связанной с местной политической элитой, состоящей в партии «Единая Россия» [15]. Другой характерный пример – критика деятельности главы правительства Д. А. Медведева и связанных с ним представителей крупного бизнеса [3].

В ещё большей степени С. Колясников ведёт в виртуальном пространстве пропаганду, связанную с вопросами культуры и истории: например, здесь уместно упомянуть о неприятии им мемориальных досок адмиралу А.В. Колчаку, маршалу К. Г. Маннергейму (в этом случае даже с использованием «арго» – то есть и для этого блога характерны уже упоминавшиеся выше проблемы) и писателю А.И. Солженицыну [1; 19; 23]. В этой же связи

можно вспомнить и его посты против кампании по дополнению наименований аэропортов [25] (по сути даже их переименованию). Тот факт, что все означенные инициативы исходят от власти, для провластного блогера значения не имеет. Кстати, на основании всех этих постов можно сделать однозначный вывод о просоветскости блогера С. Колясникова. Отчасти даже сам пример блога zergulio.livejournal.com наглядно показывает, что многие социалистически настроенные россияне склонны поддерживать действующую власть, хотя последняя и не декларирует свою социалистическую ориентацию.

В случае с культурой резкой критике подвергался министр культуры В. Р. Мединский, в том числе и за неэффективную политику в области киноискусства (попросту за съёмку за государственный счёт фильмов, не находящих поддержки у зрителей [27], а также за неправильную кадровую политику — например, за назначение главой музея на Поклонной горе в Москве своей помощницы К. Трубиновой [27]. За гражданскую позицию, точнее за переменчивость таковой, критике со стороны блогера подвергся и всемирно известный кинорежиссёр Н.С. Михалков [2]. Его блогер критиковал за поддержку Б. Н. Ельцина в бытность того главой государства, а также за участие в партии «Наш дом – Россия» (в середине 1990-х годов она позиционировалась как «партия власти»).

Сервильности в блоге С. Колясникова, по сути, нет. Одно из немногих обвинений в таковой связано с постом уже упоминавшегося выше национал-футуриста Максима Калашникова по поводу взятого уральским блогером интервью у екатеринбургской чиновницы О. Глацких [22], ставшей известной после неоднозначного высказывания на встрече с молодыми родителями из Свердловской области.

В целом следует признать, что пример блога С. Колясникова zergulio.livejournal.com наглядно демонстрирует успехи сторонников действующей власти в информационных войнах, ведущихся на просторах Рунета. Провластный патриотический блогинг обладает не меньшим агитационным и пропагандистским потенциалом, нежели умеренно-оппозиционный и радикально-оппозиционный блогинги. Оперативность в российском провластном блогинге также на высоте. Сервильность в блогах провластной ориентации, как показал опыт С. Колясникова, присутствует лишь в пределах определённых тем. Иначе говоря, провластность не всегда означает сервильность, но предполагает здоровую критику власти и заслуживающих общественного порицания чиновников. Успешность представителей провластного патриотического блогинга заставляет предполагать, что именно в блогах, подобных тем, что ведёт С. Колясников, в ближайшие годы будет формироваться идейная доктрина, которую возьмёт на вооружение власть в следующем десятилетии. Во всяком случае социальная составляющая и апелляция к справедливости,

популярные в массах [16, с. 50] и активно проповедуемые в блоге С. Колясникова, могут существенно поспособствовать действующей власти в укреплении своих позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. "Проткнутый" Маннергейм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/4176402.html> (дата обращения 12.12.2018).
2. 1996 год, Никита Михалков топит за Ельцина. ВИДЕО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/6047046.html> (дата обращения 12.12.2018).
3. В общем, не будет у нас курортов Северного Кавказа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/6062949.html> (дата обращения 12.12.2018).
4. Волков С. Ю., Никитенко В. А. Блогинг как форма политической коммуникации [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. – 2015. – № 17 (58). – Режим доступа: http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2015/06/volkov_nikitenko1.pdf (дата доступа 12.12.2018).
5. Горшкова Е. И. Блог как вид интернет-коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2013. – 263 с.
6. Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Политическая интернет-коммуникация: Сущность, специфика, технологии // Социосфера. – 2013. – № 3. – С. 186–190.
7. Гришин О. Е., Воронова А. А. Инструментальная функция средств массовой информации и блогосферы в политическом информационном пространстве // PolitBook. – 2012. – № 1. – С. 100–111.
8. Диасамидзе Л. Р. Способы конструирования гендерной идентичности в интернет-дискурсе: на материале англоязычных и русскоязычных текстов политических сетевых дневников (блогов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2010. – 224 с.
9. Жужлов А. А. Гражданское общество современной России в условиях медиатизации политики: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Саратов, 2010. – 206 с.
10. Замилова А. В. Лингвосоционическое моделирование русской языковой личности: на материале интернет-блога: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Кемерово, 2013. – 201 с.
11. Зуйкина К. Л. Особенности политической коммуникации в блогосфере России и США: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 2017. – 162 с.
12. Калакина К. А., Насонов Д. С., Пахомова Е. А., Фоменков А. А. Новые медиа и новые опасности: О российском политизированном блогинге // Культура, образование и искусство: партнерство семьи и дополнительного образования в формировании профессиональных ценностей. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-

практической конференции ученых-исследователей, специалистов; преподавателей вузов, колледжей, школ, учреждений дополнительного образования; руководителей образовательных учреждений; аспирантов, студентов / Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. – 2018. – С. 181–184.

13. Калашникова А. А. Языковая личность в русскоязычном блоге: когнитивно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ростов-на-Дону, 2011. – 188 с.

14. Киреева А. М., Погодина Д. Д., Рыбкина А. С. Оппозиционный блогинг и использование аргументов // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: сборник материалов Студенческих научных чтений / Министерство образования и науки РФ; Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина; Уральский гуманитарный институт. – 2018. – С. 173–175.

15. Круговая порука в Карелии – имена, фамилии и должности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/5683925.html> (дата обращения 12.12.2018).

16. Лубяной М. С., Фоменков А. А. Политические предпочтения нижегородцев в 2018 году: Умонастроения и перспективы реализации // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2018. – № 6 (35). – С. 48–53.

17. Майдан в Челябинске начнется с экологических протестов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/3598136.html> (дата обращения 12.12.2018).

18. Марушан Н. А. Блогинг как отражение современных тенденций СМИ // Гуманитарные знания и естественные науки: современные проблемы и перспективы развития. Материалы III Межвузовской научно-практической конференции; под общ. редакцией Е. В. Королук. – 2014. – С. 105–107.

19. Мемориальную доску Солженицыну разбили после установки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/6062602.html> (дата обращения 12.12.2018).

20. На злобу дня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/6043552.html> (дата обращения 2.12.2018).

21. Нестеренок Ю. И. Политический блогинг в политико-коммуникативных процессах современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Ростов-на-Дону, 2013. – 151 с.

22. От Игоря Стрелкова и АПН Северо-Запад: текущие события [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m-kalashnikov.livejournal.com/3702109.html> (дата обращения 12.12.2018).

23. Памятник Колчаку, предателю на службе Англии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/6023723.html> (дата обращения 12.12.2018).
24. Петухов Р. В. Гражданское и политическое участие в условиях формирования запроса на перемены (На примере опыта протестных выступлений против повышения пенсионного возраста) // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – Т. 6. № 4 (24). – С. 19–28.
25. По поводу Мурманска и Николая II [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/6055038.html> (дата обращения 12.12.2018).
26. Попов А. А. Блогинг как форма профессиональной журналистской коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – Белгород, 2013. – 176 с.
27. Протеже Мединского возглавила музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/5291226.html> (дата обращения 21.03.2019).
28. Роменков А. В. Интернет-блог как инструмент политической борьбы // Власть. – 2008. – № 7. – С. 79–83.
29. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса: сайт, блог, социальная сеть, комментарий: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2014. – 249 с.
30. Страх и ненависть к пенсионной реформе. Итоги третьей волны митингов против повышения пенсионного возраста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gosrf.ru/news/38016/> (дата обращения 12.12.2018).
31. Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 года «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения 12.12.2018).
32. Фокина М. А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе: на материале блогов политиков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Н. Новгород, 2016. – 199 с.
33. Шмаков А. А. Бытие текста с обращением в интернет-коммуникации: на материале русскоязычных блогов и форумов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Горно-Алтайск, 2013. – 200 с.
34. Я уж думал он просто в зеркало посмотрелся [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zergulio.livejournal.com/6052061.html> (дата обращения 12.12.2018).

БАЛКАЕВ Н. Н.

**ОДКБ И НАТО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ,
ПОТЕНЦИАЛ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Аннотация. В статье анализируются проблемы, препятствующие успешному взаимодействию двух военно-политических объединений – НАТО и ОДКБ. Акцентируются интересы и позиция Российской Федерации, особенности ситуации внутри названных организаций с точки зрения определения потенциала военно-политической интеграции и управления его развитием. Рассматриваются возможные пути разрешения противоречий и перспективы взаимоотношений между ОДКБ и НАТО в контексте национальной и международной безопасности.

Ключевые слова: военно-политическая интеграция, вооружённые силы, диалог, конфронтация, НАТО, национальная безопасность, ОДКБ, стратегические задачи.

BALKAEV N. N.

**CSTO AND NATO: PROBLEMS AND PROSPECTS OF COOPERATION,
POTENTIAL OF MILITARY AND POLITICAL INTEGRATION**

Abstract. The article analyzes the problems hindering the successful interaction of two military and political associations – NATO and CSTO. The study focuses on the interests and position of the Russian Federation, the situation within these organizations in terms of determining the potential of military and political integration and management of its development. Possible ways of resolving the contradictions and prospects of relations between the CSTO and NATO in the context of national and international security are considered.

Keywords: military and political integration, armed forces, dialogue, confrontation, NATO, national security, CSTO, strategic objectives.

Процесс противостояния и взаимодействия двух военно-политических объединений – Организации Североатлантического договора (НАТО) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – является предметом пристального внимания политологов. В фокусе исследований находятся различные аспекты их функционирования. Однако, как отмечает О. В. Бахлова, исследователи недостаточно уделяют внимание ОДКБ как «одному из приоритетов интеграционной стратегии Российской Федерации на современном этапе» [2]. По утверждению Д. И. Енина, отношения с США выступают ключевой проблемой российской внешней политики, поэтому «без нормального взаимодействия и сотрудничества с Соединенными Штатами Америки внешняя политика России будет обречена на неэффективность» [4, с. 215]. Поскольку Россия и США

позиционируются как лидеры ОДКБ и НАТО, представляется важным строить взаимоотношения между Москвой и Вашингтоном на основе диалога и способности понимать действия друг друга, однако Соединенные Штаты и в эпоху Трампа не демонстрируют готовности к этому.

Несмотря на то, что политологи нередко называют ОДКБ «российским НАТО» или «мини-НАТО» [5], организация уступает Североатлантическому альянсу по многим показателям, относящимся к военному потенциалу государств-участников: по военному бюджету, количеству вооруженных сил и военной техники, выполнению задач стратегического взаимодействия в реальных боевых условиях, хотя мобилизационная готовность обоих блоков примерно равна. Среди преимуществ ОДКБ необходимо указать на отсутствие языкового барьера, поскольку все военнослужащие владеют русским языком, что позволяет более слаженно и эффективно координировать действия между войсковыми соединениями разных стран в ходе боевых операций.

Общей проблемой обоих блоков признается ведущая роль единственного государства, выступающего безальтернативным спонсором и главной боевой силой [5], что приводит к ненадлежащему выполнению обязательств государствами-союзниками, которые не наращивают расходы на вооружение и содержание армии и тем самым рассчитывают на поддержку страны-лидера.

В настоящее время существует ряд проблем, связанных как с нестабильностью отношений внутри организаций, так и с подходами ведущих международных акторов к совместному урегулированию вооруженных конфликтов (например, в Сирии). Не последнее место в укреплении потенциала взаимодействия между ОДКБ и НАТО занимает субъективный фактор, вследствие чего особую важность приобретают личные взаимоотношения и психологическая совместимость лидеров двух организаций.

Мы разделяем мнение, согласно которому масштабы конфронтации между Россией и США в ближайшее время сохранятся в силу противоречия их основных интересов. Однако ОДКБ, принимая на себя ответственность за состояние международной безопасности, заинтересована в выстраивании взаимовыгодных конструктивных отношений с США и НАТО. При этом Россия исходит из того, что развитие диалога и интеграции с США «возможно только на основе взаимного уважения интересов и невмешательства во внутренние дела друг друга» [14]. Присутствие таких общих военно-политических интересов, как предотвращение ядерной угрозы и борьба с международным терроризмом, предполагает направленность не столько на улучшение взаимных отношений в качестве самоцели, сколько на сохранение и укрепление мирового порядка.

Кратко обозначив проблематику взаимоотношений ОДКБ и НАТО, перейдем к подробному рассмотрению векторов взаимодействия и путей разрешения противоречий, возникающих в ходе этого процесса.

События в мировой политической жизни последних нескольких лет служат убедительным доказательством того факта, что, несмотря на однотипность ОДКБ и НАТО, проявляющуюся в их уставных целях и задачах по защите стран-членов от внешних угроз, диалог между организациями большей частью не приносит желаемого результата. В связи с этим для понимания проблем, возникающих в процессе взаимодействия ОДКБ и НАТО, мы считаем необходимым привести сравнительную характеристику военной составляющей альянсов.

НАТО включает в настоящее время 29 государств, чей суммарный военный бюджет составляет 70 % от мирового. В общей сложности под командованием НАТО находится более 4 млн. военнослужащих. Суммарная военная мощь ОДКБ, в состав которой входят 6 государств, многократно уступает НАТО, как в плане вооружения, численности армии, так и в военном бюджете. Различия можно наблюдать также и при рассмотрении боеспособности организаций. Любая страна-член НАТО уверена, что в случае любого посягательства альянс поддержит ее как в военном, так и в политическом аспекте. Так, например, НАТО оказывает соответствующую помощь, когда страны-члены выражают озабоченность в связи со своей национальной безопасностью. В частности, речь идет об увеличении присутствия НАТО в странах Восточной Европы. Ни одно государство никогда не нападало на НАТО, однако при возникновении определенных опасностей страны-члены альянса в большинстве случаев демонстрируют солидарность. Более того, необходимо также зафиксировать факт того, что страны-члены НАТО никогда не продают оружие стране, которая рассматривается в качестве потенциального военного противника.

В ОДКБ ситуация иная. В отличие от НАТО, здесь не просматривается перспективы расширения состава. С другой стороны, прошедшие «волны» расширения Североатлантического альянса вряд ли всерьез положительно сказались на укреплении его военной составляющей, хотя и предоставили возможность размещения элементов военной инфраструктуры на территориях новых членов (в первую очередь прибалтийских государств, Польши и Чехии), что Россией обоснованно трактуется как новые источники угроз национальной безопасности. Также заметим, что страны-члены ОДКБ – Россия и Белоруссия – продают наступательное вооружение Азербайджану, у которого имеются существенные разногласия с Арменией, обеспечивая тому 85 % вооружения.

К. К. Пегушина, анализируя деятельность ОДКБ, отмечает ряд проблем, препятствующих эффективной военно-политической интеграции в ней: прежде всего,

внутреннюю дезорганизацию, связанную с разными политическими взглядами глав государств-участников Договора, которая характеризуется разрозненностью действий стран, находящихся на постсоветском пространстве. Ярким примером внутриорганизационных проблем может служить непредоставление странами-участницами ОДКБ помощи России в грузино-осетинском конфликте [9, с. 136-138]. ОДКБ также предпочитает не вмешиваться в урегулирование украинского кризиса, хотя ситуация на Украине заставляет Россию сохранять бдительность.

Еще один значимый момент, который необходимо учитывать – акцентирование регионального компонента внутри ОДКБ, благодаря которому взаимодействие в силу географических и прочих характеристик осуществляется по трем основным направлениям. Все они оцениваются как стратегические, однако в свете взаимоотношений с НАТО особое внимание, безусловно, уделяется западному, где ключевым союзником РФ выступает Республика Беларусь. Касаясь интеграционных процессов внутри ОДКБ, О. В. Бахлова посвящает ряд своих исследований анализу механизмов военно-политической интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь, подчеркивая интенсивное взаимодействие вооруженных сил двух государств. В этих рамках реализуются многоплановые мероприятия, способствующие решению указанной стратегической задачи: разнообразные совместные оперативные и тактические учения в двустороннем и многостороннем формате (с привлечением других государств ОДКБ); расширение военно-технического сотрудничества в рамках Союзного государства; использование элементов военной инфраструктуры; производство и ремонт вооружения и военной техники и др. [1, с. 33-34].

В целом, сохраняется и даже возрастает актуальность проблемы укрепления военно-политического сотрудничества внутри ОДКБ, включая российские поставки вооружения союзникам и оказание военно-технической помощи государствам-членам организации.

НАТО, вплотную приблизившись к границам России, перешла к открытой конфронтации, сведя на «нет» дипломатическое сотрудничество и бездоказательно обвиняя нашу страну в политических потрясениях, которые якобы усиливают угрозу миру и международной безопасности. В этой ситуации ОДКБ должна играть особую роль, поскольку представляется нашему государству дееспособной и эффективной военно-политической организацией, в отличие от Североатлантического альянса, гораздо более отвечающей образцу классической организации коллективной безопасности, способной поддерживать мир и безопасность в регионе.

Давая положительную оценку политике, проводимой ОДКБ, В. И. Быстренко справедливо считает, что «постсоветское пространство еще не раз столкнется с различного рода испытаниями» [3]. Для эффективного противодействия вызовам коллективной

безопасности, обеспечение которой, как уже отмечалось, является основной целью ОДКБ, усилия организации сегодня направлены на борьбу с ядерной угрозой, международным терроризмом, киберпреступностью, информационными войнами, незаконным наркотрафиком. Анализируя деятельность ОДКБ за последнее время, можно отметить, что организация обладает достаточно высоким потенциалом для достижения этой важной стратегической цели. В частности, на заседании постоянного совета ОДКБ в Москве 18 февраля 2019 г. были рассмотрены вопросы, касающиеся приоритетов деятельности организации на период председательства в ней Кыргызстана, в числе которых особое значение приобретают мероприятия по противодействию традиционным и новым вызовам и угрозам [8]. В данном ракурсе можно было бы надеяться на успешное и плодотворное сотрудничество ОДКБ и НАТО в этой сфере, что может оказать положительное влияние на расширение диалога как между организациями, так и между входящими в них странами. Основы здесь закладывались еще Римской декларацией 2002 г., однако они так и не воплотились в жизнь. Несмотря на определенную схожесть интересов ОДКБ и НАТО в решении проблем укрепления международной безопасности, организации отдают предпочтение разным, а иногда абсолютно противоположным методам противодействия реальным или мнимым угрозам.

В рамках ОДКБ регулярно проводятся мероприятия, инициируемые рабочими группами при Комитете секретарей безопасности по вопросам борьбы с терроризмом, незаконной миграции, информационной политики и безопасности, обороту наркотиков. Среди наиболее значимых операций можно указать специализированные командно-штабные военные учения Коллективных сил быстрого реагирования (КСОР) «Рубеж», одной из основных целей которых выступает отработка антитеррористических задач; ежегодную международную комплексную операцию «Канал», в ходе которой выявляются и пресекаются источники, пути и способы распространения наркотических и психотропных веществ; операции по борьбе с нелегальной миграцией «Нелегал», позволяющие перекрыть поток нелегалов из «третьих стран» в государства-члены организации; операцию «Прокси», в рамках которой выявлено более 8 тысяч сайтов, имеющих отношение к распространению наркотиков.

За последнее десятилетие был принят ряд соглашений, в том числе: о коллективных действиях государств-членов ОДКБ по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН (2008); по вопросам обеспечения информационной безопасности государств-членов ОДКБ (2009); о формировании системы кризисного регулирования (2010); антинаркотическая стратегия государств-членов организации до 2020 г. (2014) [11].

НАТО еще в 2006 году заявила, что в ближайшие 10-15 лет международный терроризм и распространение оружия массового поражения останутся основными угрозами Североатлантическому альянсу. Для решения этих проблем НАТО регулярно проводит диалоги по противодействию терроризму, в результате которых вырабатываются и распространяются общие взгляды на характер угроз и методы защиты от них. Среди операций НАТО, направленных на борьбу с терроризмом, следует назвать следующие: «Активные усилия» по наблюдению за морским пространством с целью антитеррористического патрулирования; «Непоколебимая свобода», основная часть задач которой осуществлялась на территории Афганистана; обеспечение безопасности массовых общественных мероприятий. Кроме этого, в последнее время была подготовлена рабочая программа «Защита от терроризма», утверждены инициативы по борьбе с химическим, биологическим, радиологическим и ядерным оружием, разработаны меры по усилению защиты информационно-коммуникационных систем от кибератак [6].

Вместе с тем, касаясь проблемы с оборотом наркотиков, сошлемся на утверждение, что НАТО и США четко контролируют наркотрафик или, по крайней мере, используют его с максимальной для себя пользой [13]. По крайней мере, с начала пребывания контингента НАТО на территории Афганистана он не сократился, а, напротив, возрос. Следовательно, действия альянса в этом направлении никак нельзя признать плодотворными.

Для борьбы с нелегальными мигрантами НАТО в 2016 году обратила внимание на преодоление миграционного кризиса. С этой целью главнокомандующий НАТО направил несколько постоянных военно-морских групп в Эгейское море для мониторинга перемещения судов с мигрантами из Турции в Грецию, выявления организаторов нелегального трафика и пресечения транзита мигрантов со всего Ближнего Востока в Грецию и далее в Европу [7].

В заключение выделим ряд перспективных направлений деятельности ОДКБ и НАТО, способствующих взаимодействию двух организаций.

В настоящее время Североатлантический альянс не спешит отвечать согласием на инициативы ОДКБ по совместному сотрудничеству в проблемных сферах политической жизни, в частности, по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Положение осложняется тем, что Брюссель формально одобряет развитие взаимоотношений России и США, но по отношению к ОДКБ соответствующих заявлений не последовало.

В действующей стратегической концепции НАТО нет упоминания об ОДКБ, хотя в ней акцентируется важность Совета Североатлантического партнерства, в которую входят все государства-члены данной организации. В документе отмечается, что укрепление партнерства необходимо усиливать в рамках существующих структур взаимодействия.

Представляя собой «генеральную линию», стратегическая концепция может быть скорректирована при появлении новых обстоятельств или возникновении угроз. В концепции подчеркивается, что такое партнерство имеет «стратегическую важность в создании общего пространства мира, стабильности и безопасности» [12].

Сигналом готовности НАТО к взаимодействию могла бы стать поддержка альянсом интеграционных процессов на территориях государств-членов ОДКБ с признанием главенствующей роли России и ее права защищать свои интересы на этом пространстве. Вместе с тем остается неизменным предпочтение НАТО развивать партнерские отношения с отдельными странами, входящими в ОДКБ, поскольку она считает, что организация была создана для противодействия альянсу. Продолжая курс на сохранение своей «военно-политической» монополии», альянс не намерен поддерживать идею «коалиционной военно-политической многополярности – в первую очередь, на евразийском пространстве» [10].

Таким образом, для постепенного налаживания сотрудничества между ОДКБ и НАТО потребуются значительные усилия, которые в перспективе следует активизировать для достижения видимых результатов. Для четкого функционирования механизма взаимодействия двух объединений необходимо, прежде всего, разрешить противоречия между их ключевыми участниками и создать надежный фундамент взаимовыгодного диалога по вопросам, касающимся международной безопасности. К сожалению, в ближайшем будущем такой перспективы не просматривается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахлова О. В. Военно-политическая интеграция Российской Федерации и Республики Беларусь в контексте формирования системы региональной безопасности содружества // Регионология. – 2016. – № 2. – С. 26-41.
2. Бахлова О. В. Содержание и векторы постсоветской и евразийской интеграции: подходы и оценки // Контентус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kontentus.ru/?p=4367> (дата обращения 12.02.2019).
3. Быстренко В. И. ДКБ–ОДКБ: непростой путь к коллективной безопасности // Наука и мир. – 2015. – № 2 (18), т. 2. – С. 10-14.
4. Енин Д. И. Россия – США: интеграция в современный мировой порядок // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Вып. 12 – С. 214-218.
5. Заквасин А. «Российскому НАТО» – 25 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.rt.com> (дата обращения 12.02.2019).
6. НАТО и борьба с терроризмом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cps.ru/natohq/topics_48801.htm (дата обращения 20.02.2019).

7. НАТО утвердило план по борьбе с незаконной перевозкой беженцев в Эгейском море [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2913486> (дата обращения 23.02.2019).
8. Новости ОДКБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=14621&SECTION_ID=91 (дата обращения 23.02.2019).
9. Пегушина К. К. Проблемные аспекты деятельности ОДКБ на современном этапе / К. К. Пегушина, М. В. Пегушин, М. В. Черторина, Ю. А. Мартовицкий // Право: история, теория, практика. Материалы V Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2017). – СПб.: Свое издательство, 2017. – С. 136-138.
10. Проблемы и перспективы отношений ОДКБ и НАТО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/problemyi-perspektivy-i-otnosheniy-odkb.html> (дата обращения 23.02.2019).
11. Противодействие терроризму в рамках ОДКБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.su/9_78298_protivodeystvie-terrorizmu-v-ramkah-odkb.html (дата обращения 20.02.2019).
12. Развитие стратегической концепции НАТО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wp-content/uploads/2017/03/ITOG.pdf> (дата обращения 21.02.2019).
13. Роль США в производстве афганских наркотиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20180409/241934410.html> (дата обращения 20.02.2019).
14. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/ (дата обращения 12.02.2019).

БАТЯЕВ Р. А., МАЛЬЧЕНКОВ С. А.
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ XX ВЕКА

Аннотация. Статья содержит анализ вариантов развития и модернизации для России на примере аналогии с азиатскими и латиноамериканскими государствами. Авторы приходят к выводу о том, что варианты модернизации нашей страны в настоящее время не сводятся к копированию западной модели. Применение основ теорий депендентизма и парциальной модернизации может оказаться эффективным в условиях современного состояния российской экономики.

Ключевые слова: Россия, Запад, Латинская Америка, модернизация, развитие, депендентизм.

BATYAEV R. A., MALCHENKOV S. A.
CIVILIZATIONAL CHOICE OF RUSSIA
IN THE CONTEXT OF THE XX CENTURY MODERNIZATION THEORIES

Abstract. The article provides an analysis of options for development and modernization for Russia considering the experiences of Asian and Latin American countries. The authors come to a conclusion that the options for the modernization of our country are currently not confined to copying the western model. The application of the theories of dependency and partial modernization can be beneficial for the modern Russian economy.

Keywords: Russia, West, Latin America, modernization, development, dependency theory.

Цивилизационный выбор многих государств (в том числе, России) связан с анализом социально-культурной сущности феноменов Запада и Востока. К этой теме обращались зарубежные авторы (Р. Пайпс, Дж. Стидмен, А. Абдель-Малек), а также отечественные исследователи (Б. С. Ерасов, Д. Ф. Терин). В XX веке ряд ученых (Р. Бендикс, Д. Рюшмейер) постепенно отказываются от понимания Востока как суперцивилизации, которая обречена вечно догонять Запад. Широкое распространение в трудах Х. Зингера, Р. Пребиша, П. Барана, И. Валлерстайна получила теория «зависимого развития» (депендентизма), отвергавшая неизбежную глобальную вестернизацию. Среди отечественных авторов, исследующих специфику модернизационных процессов в странах недавнего «третьего мира» – Л. Б. Волков, И. В. Побережников, В. Л. Иноземцев, Я. Г. Шемякин.

На сегодняшний день перед российской политической элитой вновь встает вопрос о том, каким путем можно осуществлять развитие нашего общества. В данном случае

прослеживаются минимум два основополагающих варианта: модернизация западного типа и альтернативная модернизация. В пользу первого варианта говорит тот факт, что ситуация в развивающихся странах сегодня похожа на ту, что была в развитых несколько десятилетий назад. Однако против этого и в пользу альтернативы говорит то, что баланс торговли постоянно смещается в сторону развитых стран, и развивающимся государствам становится все менее выгодно с ними торговать.

К сожалению, для России эта проблема остается актуальной. Хотя в СМИ распространена позиция, согласно которой наша страна является одной из десяти ведущих мировых экономик и вот-вот войдет в пятерку, на деле Россия по темпам роста ВВП и другим экономическим показателям вполне сравнима со среднестатистической латиноамериканской страной. Причем в последние годы в условиях затяжного экономического кризиса и последующей стагнации это сходство лишь усиливается. В связи с этим вновь актуально противостояние западников и сторонников собственного уникального пути. В рамках второго из этих подходов, на наш взгляд, как никогда актуальным становится обращение к опыту альтернативных теорий модернизации, возникших в XX веке.

Наиболее заметным модернизационным направлением этих десятилетий стала теория «зависимого развития» (депендентизма). Эта идея впервые была озвучена в опубликованных в 1949 году работах Х. Зингера и Р. Пребиша, однако всемирную известность приобрела в 60-70-е годы благодаря трудам ученых-неомарксистов П. Барана и И. Валлерстайна. Сторонники теории зависимости утверждали, что растущее отставание развивающихся стран объясняется не тем, что они еще не достигли определенной стадии роста и пока не интегрировались в мировую систему. Причина как раз и заключается в том, что «страны третьего мира» являются частью глобального процесса и вынуждены играть по западным, «буржуазным» правилам, которые немыслимы без «угнетения» периферийных районов планеты. Теоретики «зависимого развития» были уверены, что государства Азии, Африки и Латинской Америки нельзя рассматривать лишь как «ранние версии» современных обществ. Депендентисты критиковали классиков-«вестернизаторов» за то, что последние искали универсальные рецепты модернизации, игнорирующие политические, социальные и культурные особенности развивающихся стран.

Практически одновременно оформились два направления депендентизма, которые довольно существенно отличаются друг от друга:

- 1) марксистское направление (П. Баран, П. Суизи, А. Г. Франк, Т. дус Сантус, С. Амин);
- 2) структуралистское направление (Р. Пребиш, Ф. Кардозу, С. Фуртадо, А. Пинто).

Стоит отметить, что представители первого из этих направлений в своем видении зависимого развития опираются на труды классиков марксизма. Концентрацию капитала в высокоразвитых странах выявил ещё В. И. Ленин в своей книге «Империализм как высшая стадия капитализма». В данной работе он приходит к выводу, что империализм – это окончательная стадия капитализма и за ней обязательно придет социализм [6, с. 387]. Его последователи полагают, что сегодня мы видим явление, которое можно назвать «ультраимпериализмом». Он проявляется в ещё большем усилении передовых стран за счет обнищания развивающихся государств. В связи с этим в левых кругах усиливается тенденция противостояния традиционной модернизации и поиски возможных путей развития в советском или китайском прошлом.

По поводу различия путей модернизации СССР и китайского блока писал в своей книге «Политическая экономика роста» ведущий представитель марксистского течения в депендентизме американец Пол Баран. Также в данной работе он анализирует капиталистические отношения между развитыми и развивающимися странами и приходит к выводу, что продукция, получаемая в результате обмена, выходит в конечном итоге явно не в пользу последних. Баран в целом скептически относится к капиталистическому типу воспроизводства. Он говорит о том, что тот меняет отношение людей к экономике не в лучшую сторону. Кроме того, не менее важно, что капитализм, с сожалением констатирует автор, никогда не сможет добиться более прогрессивных отношений в вопросах частной собственности [2].

Еще один из теоретиков неомарксизма египетский политолог и экономист Самир Амин в своей книге «Капитализм в эпоху глобализации» рассуждает о ВТО, МВФ, Всемирном Банке и других организациях, занимающихся финансовыми операциями. Он приходит к выводу о том, что деятельность этих объединений сводится к увеличению благосостояния стран с высоким уровнем капитализма и разгромом стран третьего мира [1].

В этой связи хотелось бы отметить, что в экономических кругах РФ до сих пор неоднозначное отношение к вступлению нашей страны в ВТО. Главным контраргументом считается огромный приток дешевых импортных товаров и невозможность конкуренции для отечественных производителей. Для России проблема выгодной внешней торговли остается актуальной. В настоящий момент нефтегазовые отрасли находятся в относительно приемлемом состоянии, однако, например, показатели экспорта сельского хозяйства до сих пор не дотягивают до 1989 года.

Что касается второго, структуралистского подхода к зависимому развитию, то одним из его основателей можно считать шведского экономиста Гуннара Мюрдаля. Этот автор

писал, что необходима структурная взаимозависимость, а значит нельзя создавать своеобразный изолированный «остров индустриализации» [7, с. 251].

Аргентинец Рауль Пребиш, также относящийся к структуралистскому лагерю теории зависимого развития, говорил о том, что в абсолютном выражении торговля между сырьевыми странами и странами с промышленной продукцией всегда будет происходить в пользу последних. На основе данных выводов он активно критиковал экономику латиноамериканских стран 20-30-х годов XX века [8, с. 12]. Очевидно, что в данном контексте слова Пребиша актуальны и для современной России, в которой львиная доля бюджета зависит от цен на углеводороды.

Другой представитель латиноамериканской социально-философской мысли бразилец Селсу Фуртадо видел главную причину отсталости стран третьего мира в «процессе подражания моделям потребления центра». Суть этой идеи заключается в том, что, по его мнению, зависимые экономики развивающихся государств связаны с доминирующими экономиками развитых стран исключительно через политические элиты. Верхушка раньше основной части населения воспринимает стандарты более развитой системы и ориентируется на её стандарты [9, с. 67-68]. В работе «Развитие и недоразвитие» Фуртадо определил экономику в странах третьего мира, возникшую в результате проникновения туда капитализма, как гибридную: она сочетает западное ядро с архаичной структурой [11].

В последующие годы появилось немало работ, авторы которых критиковали теорию зависимости и отмечали, в частности, что экономический взлет «азиатских тигров» (Южной Кореи, Сингапура, Гонконга) полностью опроверг ее положения. В то же время нельзя не заметить, что в данных странах осуществлялась довольно жесткая авторитарная модернизация и их прошлое никак нельзя назвать демократическим. Вот почему опыт этих государств едва ли стоит примерять к условиям России в XXI веке.

Отечественный исследователь В. Л. Иноземцев пришел к выводу о том, что депендентизм является неэффективной разновидностью «догоняющего развития», которая противоречит самой идее модернизации. По его мнению, «теория зависимого развития изначально обречена на неудачу, поскольку рассматривает разнокачественность стран как важнейший фактор их экономического сближения», а потому фактически «обосновывает установление режима изоляционизма» [5, с. 33].

Конец 1960-х годов ознаменовал собой переход к новому, «критическому» этапу в развитии модернизационной парадигмы, который отвергал жесткие рамки теории однолинейного развития. В 1967 году Р. Бендикс высказал мысль о том, что «некорректно противопоставлять друг другу традиционность и современность, а модернизация вовсе не обязательно должна разрушать существующие социальные системы» [3, р. 326]. В течение

этого периода Д. Рюшмейер представил теорию парциальной (частичной) модернизации, которая допускала, что «сплетенные в причудливые структуры» модернизированные и традиционные элементы могут представлять собой не временное явление, а «закрепляются и сохраняются на протяжении поколений» [4, с. 72].

Идея сочетания принципов модернизации по западному и восточному пути, несомненно, кажется весьма подходящей для России в настоящее время. В истории отечественной политико-философской мысли предпринималось немало попыток сформулировать подходящую модель подобного взаимодействия. Наиболее известной из них, пожалуй, стоит назвать теорию конвергенции, предложенную А. Д. Сахаровым [10]. Тем не менее, главная проблема применения идеи парциальной модернизации на данный момент заключается в принципиальной несовместимости многих основ вестернизации и развития по особому пути.

Сейчас уже очевидно, что взаимовлияние суперцивилизаций Запада и Востока представляет собой сложное и многоаспектное явление. Запад буквально на глазах теряет преимущество в тех элементах, которые издавна считались его главной опорой – денежных ресурсах и технической оснащенности. Сама идея вестернизации постепенно становится всё более чуждой «Восточному миру». Полное выравнивание может привести как к необходимости выстраивания равноправного сотрудничества, так и вызвать к жизни массу негативных тенденций в международных отношениях.

Неслучайно с 1980-х годов берет свой отсчет новый этап модернизационных исследований, в рамках которого функционализм классической школы уступил место конфликтологической теории. Получившая широкую известность концепция С. Хантингтона утверждает, что культурные противоречия неизбежно приведут к «столкновению цивилизаций». Высказывая предположение о том, что «в будущем принадлежность к определенной цивилизации станет основой самоидентификации людей», американский ученый приходит к выводу о приходе на смену идеологическому противостоянию «холодной войны» борьбу различных социокультурных общностей за доминирование в мире [12, с. 50].

Наиболее вероятен, по мнению Хантингтона, конфликт между западной и исламской цивилизациями, острота которого в наибольшей степени проявится на стыке или аморфно очерченных рубежах (faultlines) цивилизаций. Такое развитие событий приведет к постепенному формированию многополярного мира. А значит, Россия должна будет либо принять сторону одной из противоборствующих сил, либо постараться самой войти в число центров мирового влияния. Очевидно, что подобная модель модернизации с одной стороны открывает перед нашей страной обширные возможности, но с другой допускает ее участие в глобальном противостоянии, которое может вестись, в том числе, и военным путем. Нет

сомнений в том, что задача предотвращения конфликтных проявлений модернизации в настоящее время является одной из важнейших не только для руководства России, но и в целом для мирового сообщества.

Таким образом, с каждым годом становится всё более очевидным, что Россия нуждается в новой модернизации. Тот факт, что в нашей стране в 1990-е потерпел крах проект вестернизации методами «шоковой терапии» вовсе не означает, что не следует учитывать мировой опыт. Абсолютно не выглядит необходимым откат к плановой и, тем более, традиционной экономическим моделям, которые были характерны для «счастливого прошлого России». Напротив, в сложившихся условиях стоит заимствовать опыт, который свидетельствует о принципиальной возможности преодоления разрыва между развивающимися и развитыми странами. Отдельные успешные проекты можно заимствовать у таких государств как Сингапур (ужесточение наказаний за коррупцию и налаживание системы их исполнений) и Южная Корея (создание нескольких крупных частных инновационных компаний).

На наш взгляд, применение идей мыслителей Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона и Северной Африки на данный момент выглядит важным элементом построения новой стратегии модернизации России. Свежие методы, успешно зарекомендовавшие себя на незападной почве, должны существенно повысить экономический потенциал России и, в конечном счете, способствовать укреплению ее позиций на международной арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Amin S. Capitalism in the Age of Globalization. – London: The Zed Books, 1997. – 158 p.
2. Baran P. A. The Political Economy of Growth. – New York: Monthly Review Press, 1957. – 308 p.
3. Bendix R. Tradition and Modernity Reconcidered // Comparative Studies in Society and History. – The Hague, 1967. – No. 3. – P. 326–329.
4. Волков Л. Б. Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (Обзор англо-американской литературы) // Критический анализ буржуазных теорий модернизации. Сборник обзоров. – М., 1985. – С. 72–73.
5. Иноземцев В. Л. Пределы «догоняющего» развития. – М.: Экономика, 2000. – 295 с.

6. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч., т. 27. – С. 299–426.
7. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». – М.: Прогресс, 1972. – 767 с.
8. Ореховский П. А. Прерывистый тренд развития структурализма: альтернативная традиция экономического анализа. Доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 47 с.
9. Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. – М.: Норма, 2008. – 640 с.
10. Сахаров А. Д. Мир. Прогресс. Права человека // Знамя. – 1990. – № 2. – С. 5–44.
11. Семёнов Ю. И. Концепции зависимости, или зависимого развития // Философия истории. Общая теория исторического процесса. – М.: Академический Проект; Трикста, 2013. – 615 с.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

БАРАНОВА Т. В.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ «НОВОГО ПОПУЛИЗМА»

В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И США

Аннотация. В статье анализируются факторы роста числа правых и левых популистов в странах Европейского союза и США. Раскрываются социальные и идеологические истоки феномена «нового популизма», выявляются общие причины увеличения поддержки популистских идей. Рассматриваются выборы в Европарламент в мае 2019 г. и президентские выборы в США в 2020 г. с точки зрения влияния популистских идей.

Ключевые слова: «новый популизм», евроскептицизм, популизм, популистские силы, выборы.

BARANOVA T. V.

FEATURES OF "NEW POPULISM" IN EUROPEAN UNION AND USA

Abstract. The article analyzes the factors of growth of the right-wing and left-wing populists in the European Union and the United States. The social and ideological background of new populism and the reasons for the growth of popularity of populist ideas are considered. The elections to the European Parliament in May 2019 and the US presidential elections in 2020 are studied in terms of the influence of populist ideas.

Keywords: new populism, Euroscepticism, populism, populist actors, elections.

Проблема «нового популизма» широко обсуждается в странах Европейского союза (ЕС) и США, а мнения относительно оценки данного явления разделяются: является ли популизм неотъемлемой частью политического процесса или же он является угрозой демократии.

Анализируя популистские силы и их влияние на политический процесс в США и Европе, на наш взгляд, следует определиться с самим термином «популизм». Голландский социолог Кас Мюнде определяет популизм как идеологию, при которой общество поделено на две гомогенные и антагонистические группы: «истинный народ» и «коррупцированная элита» [3]. Однако многие исследователи все же придерживаются точки зрения, что популизм – определенная стратегия политической борьбы [9]. Термин «популизм» (от лат. «*populus*» – народ) очень часто рассматривается, как совокупность различных методов и действий, при этом основанных на призывах к «простому народу» [13].

Отечественные и западные политологи исследуют в основном практическую сторону вопроса. Их работы посвящены признакам, присущим популизму.

Актуальность исследования продиктована масштабными событиями, которые оказали влияние на ход мировой политики: решение о выходе Великобритании из Евросоюза, избрание Д. Трампа президентом Соединенных Штатов, миграционный кризис и рост волны популизма во всем ЕС. Безусловно, не все популистские силы в Европе добились политического успеха и влияют на повестку дня в современной политике. Но нужно отметить, что популизм, в частности, в ЕС, активно развивается и представляет собой динамичное явление [11]. За несколько лет большую популярность обрели такие политические силы популистского толка как «СИРИЗА», «Пять звезд», «Подemos», «Альтернатива для Германии», «Национальный фронт». Если анализировать результаты выборов, несмотря на то что правящим элитам удалось удержать власть, в обществе усилились националистические, антиглобалистские и евроскептические тенденции.

Популярность популизма в Европе неуклонно растет с 1998 г. Исследование газеты «The Guardian» показывает, что два десятилетия назад популистские партии были в значительной степени маргинальной силой, набирая всего 7% голосов по всему континенту [4]. На последних общенациональных выборах каждый четвертый голос был за популистскую партию.

Популизм в Европе насчитывает несколько десятилетий: крайне правая Партия свободы Австрии была основана в 1956 г. бывшим нацистом и впервые получила более 20% голосов в 1994 году [8]. В настоящее время она является частью правящей коалиции страны. Популистские партии пользовались успехом в Норвегии, Швейцарии и Италии в 1990-х годах. Но только на рубеже веков популистские идеи начали распространяться: от Нидерландов до Франции, от Венгрии до Польши.

С развитием в Европе интеграционных процессов появляется оппозиция евроинтеграции в лице евроскептиков. Но популистские партии в ЕС имеют свою национальную специфику, несмотря на общие черты.

В Италии с 2018 г. сформировалось первое популистское правительство в стране из представителей партии «Пять звезд» и «Лига Севера». Несмотря на то, что в кабинете сосуществуют и левые и правые популисты, подходы к решению проблем государства у них схожи. Феномен роста популизма в Италии схож с общими причинами роста таких идей во всем ЕС: недоверие к брюссельским чиновникам, миграционный кризис и наплыв нелегальных мигрантов, экономические проблемы, которые затронули Италию сильнее, чем других членов Европейского союза.

Во Франции чаще всего популистами называют «Национальный фронт» Марин Ле Пен, «Левый фронт» во главе с Жаном-Люком Меланшоном и движение «Непокоренная Франция». Рост электората «Национального фронта» был связан с проблемами иммиграции,

а также с дискуссией вокруг национальной идентичности по двум направлениям: общеевропейской и французской, а также вопросами национальной безопасности.

Общее, что объединяет правых популистов в Европе – недовольство экономическими изменениями в ЕС со стороны общества. По мнению ряда исследователей, избиратели выбирают популистские партии не из-за привлекательности идей и постулатов, а из-за протеста против сложившейся экономической ситуации [1]. Поэтому правые популисты в Европейском союзе ассоциируются с евроскептиками, которые выступают против антинационального проекта элит.

Наряду с правым популизмом, в ЕС существуют и популистские левые движения («СИРИЗА»). В число факторов формирования левых популистских движений можно отнести: кризис существующего социального порядка, рост безработицы, отсутствие социальной системы в интересах всех граждан. Левый популизм в ряде стран укрепляет свои позиции: особенно это коснулось Греции, которая сильно пострадала от экономического кризиса.

8 апреля, накануне выборов в Европарламент, лидеры «Лиги Севера», партии «Истинные финны», датской Народной партии и «Альтернативы для Германии» провели в Милане рабочую встречу. Цель популистских партий сформировать крупнейшую фракцию в Европарламенте и войти в состав правящей коалиции [12]. Уже совершенно точно, что к этому альянсу присоединится Марин Ле Пен, а также можно рассчитывать на появление и венгерской партии «Фидес». Исследование, которое было проведено в европейских странах накануне выборов в Европарламент, показывает, что в трех странах правопопулистские партии получили большую поддержку со стороны опрошенных. За «Лигу Севера» готовы проголосовать 33,4% респондентов, за «Национальный фронт» – 23%, за польскую партию «Закон и справедливость» – 42% [17]. В этой ситуации, конкуренцию популистам могут составить либерально настроенные силы. Так, президент Франции Э. Макрон намерен создать либеральную фракцию совместно с Ги Верхофстадом.

Что касается Соединенных Штатов, В. В. Согрин, анализируя корни популизма, отмечает, что само явление менялось на протяжении достаточно продолжительного времени [16]. В США со временем лозунги популистов стали использоваться правыми радикалами, социальными демагогами и националистическими движениями. В XX веке популистские идеи получили отражение в работах Г. Ллойда и Э. Беллами и в платформе, созданной Популистской партии. В то время появление популистских идеологов было связано с кризисной ситуацией в политической и экономической жизни США, которые предлагали возможное решение проблем [14]. Сторонниками Популистской партии были, главным образом, рабочий класс и фермеры, которые боролись против монополистического уклада.

Основную цель популисты видели в улучшении положения рабочего класса и трудящихся благодаря росту регулирующей роли государства в сфере экономики.

В то время деление популистов на левых и правых носило чисто тактический характер. Правые популисты видели в правительстве угрозу традиционному образу жизни из-за его вмешательства в экономическую, культурную и моральную основу государства. Левые популисты, наоборот, считали правительство инструментом борьбы по защите интересов индивида от крупного капитала [15]. Происхождение популизма в США было связано с появлением демократии и формированием стабильной политической системы, а также с развитием политического плюрализма. С 2016 г. Соединенные Штаты столкнулись с серьезными изменениями в политической системе, которые во многом нашли свое отражение в президентской избирательной кампании.

Во время избирательной кампании Д. Трамп часто обращался к предпринимательскому классу и «синим воротничкам» и делал акценты на возрождение производительной национальной экономики, восстановление имиджа и величия США, укрепление финансовой системы, создание новых рабочих мест. Программа Д. Трампа имела ряд сложностей и неоднозначную оценку среди общества. Это было связано с достаточно жесткой позицией по отношению к мигрантам, строительством стены между США и Мексикой, на которую требуется потратить более 10 млрд. долларов; вопросами с безопасностью границ США; критикой торговых отношений с Китаем, Японией, Мексикой; реформой здравоохранения. Однако, как и подобает настоящему популисту, в ходе дебатов Д. Трамп умело обходил острые углы и всегда на первое место ставил интересы избирателей конкретного штата, в котором выступал. Зачастую тезисы его выступления расходились с положениями программы. В 2016 году, во время президентской избирательной кампании США, интернет-портал «PolitiFact» проанализировал, что 70% всех заявлений Дональда Трампа были частично или в целом ложными [6].

В мае 2015 г. в президентскую гонку вступил Берни Сандерс, который изначально считался аутсайдером, однако впоследствии составил серьезную конкуренцию Х. Клинтон. Б. Сандерс называл себя демократическим социалистом, отстаивая гражданские и социальные права граждан, построив свою программу как «народного кандидата» и обращаясь к рабочему классу. Основной электорат Б. Сандерса составили молодые люди от 18 до 29 лет [10]. Кандидат от Демократической партии воспринимался элитой как своеобразный вызов партии, поэтому и не получил поддержки со стороны партийного истеблишмента. На самом деле Б. Сандерса отличает не его политическая платформа, которую можно однозначно описать как смещение Соединенных Штатов к скандинавской модели социал-демократии, а пламенная риторика и радикальные заявления в ходе дебатов.

Б. Сандерс отказался от финансирования своей кампании крупными корпорациями, заявив, что принимает исключительно частные пожертвования от избирателей, что тоже вызвало серьезную поддержку со стороны граждан. Такую же тактику он выбрал и для подготовки к выборам 2020 г., собрав рекордную сумму на свою президентскую кампанию среди демократов. Спустя два месяца после заявления об участии в выборах 2020 г. он собрал 28 млн. долларов [5]. Анализируя начало президентской кампании в США, можно констатировать тот факт, что Демократическая партия столкнулась с серьезными проблемами. Одна из главных проблем – кадровая: согласно опросам 59% избирателей хотели бы видеть во главе партии совершенно нового кандидата [7]. Вторая проблема, которая стоит на повестке дня перед партией, это противоречия на фоне изменений идеологического курса демократов. После появления Б. Сандерса и его идей демократического социализма число прогрессивных кандидатов неуклонно растет. Агентство «Gallup» зафиксировало, что за последнее десятилетие демократы имеют более позитивное представление о социализме, чем о капитализме: 57% сегодня имеют положительное мнение относительно социализма [2]. При этом умеренные демократы не могут игнорировать эти показатели и все больше опасаются, что шансы на победу над Д. Трампом в 2020 г. уменьшаются. Однако, несмотря на рост левых идей и молодых политиков популистов, шанс будет у кандидата, который соответствует запросу истеблишмента Демократической партии.

Таким образом, ценностные изменения и нерешенные вызовы в странах ЕС и США, с которыми столкнулось общество, в значительной степени изменили политическую повестку и привычный уклад. Так, популисты-евроскептики превратились во влиятельную силу на европейской сцене. После выборов в Европарламент в мае 2019 г. представительство популистов может существенно измениться в большую сторону. С этой силой, которая вполне способна к дальнейшему росту, должны, так или иначе, считаться не только политические лидеры Евросоюза, но также и все его международные партнеры. В США на фоне президентской гонки 2020 г. также укрепляются позиции популистов – Б. Сандерса, Д. Трампа, демократа Э. Уоррен, которая также получает значительную поддержку среди молодого поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Betz G., van der Brug W., Fennema M. and Tillie J. Why Some Antiimmigrant Parties Fail and Others Succeed: A Two-Step Model of Aggregate Electoral Support // Comparative Political Studies. – 2005. – No. 38. – pp. 537–573.

2. Democrats More Positive About Socialism Than Capitalism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.gallup.com/poll/240725/democrats-positive-socialism-capitalism.aspx> (дата обращения 04.04.2019).
3. Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. – 2004. – No. 39 (4). – pp. 541–563.
4. Revealed: one in four Europeans vote populist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2018/nov/20/revealed-one-in-four-europeans-vote-populist> (дата обращения 04.04.2019).
5. Sanders quiets his critics as he becomes a 2020 front-runner [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.apnews.com/ea9454ea29a246a59b97e731bac16aa2?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter_axiosam&stream=top (дата обращения 02.04.2019).
6. Trump's lies vs. Your brain [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politico.com/magazine/story/2017/01/donald-trump-lies-liar-effect-brain-214658> (дата обращения 02.04.2019).
7. What do Democrats want in 2020? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2018/12/26/2020-democrats-usa-today-suffolk-university-poll/2399076002/> (дата обращения 02.04.2019).
8. Бадаева А. С. Австрийская партия свободы: между правым популизмом, австрийским патриотизмом и немецким национализмом // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – № 3. – С. 53–68.
9. Баранов Н. А. Возрождение популизма: Европейский опыт и российские практики // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 25–36.
10. Баранова Т. В. Президентская кампания в США 2016 года: будущее левых идей // Огарев-online. – 2018. – № 6 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/prezidentskaya-kampaniya-v-ssha-2016-goda-budushhee-levyx-idej> (дата обращения 03.04.2019).
11. Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 69–89.
12. Маттео Сальвини представил в Милане «Европу здравого смысла» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2607586.html> (дата обращения 02.04.2019).
13. Мельвиль А. Ю., Алексеева Т. А., Боришполец К. П. [и др.] Категории политической науки. – М: МГИМО, 2002. – 656 с.

14. Петров С. В. Популизм в политической системе США в оценке отечественной и зарубежной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5). – С. 121–127.
15. Петров С. В. Популистская традиция в политической системе США (конец XIX века – первая треть XX века): исторические корни и генезис // Альманах современной науки и образования – 2010. – № 7 (38). – С. 34–41.
16. Согрин В. В. Идеология в американской истории от отцов-основателей до конца XX века. – М.: Наука, 1995. – 238 с.
17. Социологи предсказывают удвоение числа правопопулистов в парламенте ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/abroad/global/sociologi-predskazyvayut-udvoenie-chisla-pravopopulistov-v-parlamente-es.d?id=80575601> (дата обращения 02.04.2019).

БИРЮКОВ И. В.

**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОТНОШЕНИЙ
МОЛДОВЫ И ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Аннотация. В статье рассматриваются отношения между Молдовой и Приднестровьем с момента распада Советского Союза и до настоящего момента. Отношения всегда были напряженными и переходили то в горячую фазу конфликта, то в фазу экономической блокады. Изучение этих двух государств на современном этапе позволяет понять истоки конфликта. Анализируя современное состояние отношений, можно прогнозировать будущее региона, а также понять, каковы интересы России в нем.

Ключевые слова: международные отношения, Молдова, Приднестровье, постсоветское пространство, конфликт.

BIRIUKOV I. V.

**THE HISTORY AND CURRENT STATE OF THE RELATIONS
BETWEEN MOLDOVA AND TRANSNISTRIA**

Abstract. The article considers the relations between Moldova and Transnistria from the collapse of the Soviet Union until now. The relations have always been tense, turning into the hot phase of conflict, then into the phase of economic warfare. The study of these two states at the present stage enables us to understand the origins of the conflict. Analyzing the current state of the relations, we can forecast the possible scenarios of the region development and understand the interests of Russia there.

Keywords: international relations, Moldova, Transnistria, post-soviet arena, conflict.

В настоящее время в мировой политической теории и практике активно обсуждается роль непризнанных государств в мировой политике, их важность для России с геополитической точки зрения и возможные пути урегулирования данных конфликтов. Актуальность данной проблематики связана с тем, что на практике возникали различные непризнанные государства, и отношение к ним со стороны мировой политической общественности всегда было разным и зависело от интересов тех или иных крупных акторов мировой политики.

Стоит сказать, что конфликты по поводу признания той или иной территории начали возникать на постсоветском пространстве после распада Советского Союза. Все новообразованные республики и непризнанные государства могли попасть под западное влияние, как например Прибалтика, Грузия или Молдова. Это было не выгодно России с

геополитической точки зрения. Поэтому мы отмечаем, что актуальность данной статьи связана, в том числе, с всесторонним участием России во всех сферах жизни ПМР.

Существует множество исследований, в которых данная проблема так или иначе рассматривается как отечественными, так и иностранными авторами. В отечественной политической науке наиболее значимый вклад внесли Н.И. Харитонова и А.З. Волкова. К иностранным исследователям могут быть отнесены Н. Дабижа и И. Косташ.

В 1990 году на территории Советского Союза начинают вспыхивать этнические и территориальные конфликты. После распада Союза начался процесс образования новых государств [12, с. 25]. В результате конфликтов появилось несколько непризнанных государств. Именно так случилось и в Молдавии [11, с. 18].

Процесс раскола страны был запущен еще в советские времена – в 1988 году. Именно тогда было опубликовано так называемое «Письмо 66». Это был документ, в котором известные молдавские писатели, поэты, литературные критики просили власти признать молдавский язык на основе латиницы (то есть румынский) государственным на территории Молдавской Советской Националистической Республики (МССР). В этот период люди в Кишиневе начали выходить на улицы. Лозунги были абсолютно разные, среди них были и откровенно русофобские, такие как «Русских за Днестр, евреев в Днестр» и «Молдавия – для молдаван».

В 1989 году закон о языке был принят. Это не понравилось той части Молдавии, которая находилась на левом берегу Днестра и в Гагаузии. Это не удивительно, потому что в Приднестровье проживали молдаване, украинцы и русские, притом в равной пропорции. Они не приняли закон, а после распада Союза отказались признавать власть Кишинева.

В 1992 году начались первые вооруженные столкновения [6, с. 66]. Бои велись за стратегические точки: Дубоссарскую ГЭС, мосты через Днестр, город Бендеры [4, с. 8].

Бои продолжались месяц, а затем в июле 1992 года на территорию Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) вошли российские миротворцы. Этот факт заставил молдавскую сторону прекратить обстрел жилых районов. В августе этого же года молдавская сторона начала отступление. На этом закончилась горячая фаза конфликта, началось дипломатическое противостояние, которое продолжается до сих пор.

Интересен тот факт, что Молдова и Приднестровье были максимально близки к разрешению конфликта в 2003 году. Именно тогда Россией был разработан и опубликован так называемый «Меморандум Козака». Данный меморандум был призван объединить Республику Молдову и Приднестровскую Молдавскую Республику в единое государство с федеративной формой устройства. Однако данный документ так и не был принят, потому что президент Молдавии В. А. Воронин в последний момент отказался подписывать этот

договор, так как это не одобряли «западные коллеги». В то время Молдова активно была нацелена на европейскую интеграцию [3, с. 13].

Для урегулирования конфликта перманентно проводились переговоры в формате «5+2». В переговорах между Молдовой и Приднестровьем, Россия и Украина выступали странами-гарантами, Европейский Союз и США – наблюдателями, ОБСЕ – посредником. Последний раунд переговоров проводился в Берлине летом 2016 года. Современное Приднестровье нуждается в таком формате переговоров.

У Приднестровья невыгодное географическое положение. Республика граничит только с Молдовой и Украиной. Особенно заметно это было особенно в период с 2009 года по 2016, когда у власти в Молдове были демократы, а на Украине произошел переворот. Таким образом, можно предположить, что Кишинев и Киев договорились о совместной блокаде пророссийского региона. Можно вспомнить интервью бывшего губернатора Одесской области М. Саакашвили: «Приднестровье – черная дыра Европы» [1].

Если анализировать отношения между Молдовой и ПМР на современном этапе [5, с. 6; 9, с. 201-220; 10], то можно сделать выводы, что современная ситуация стала лучше, чем была несколько лет назад. Более того, новый президент Молдовы И. Додон (с 2016 года), в отличие от предшественников из демократического крыла, готов вести переговоры с Приднестровьем. И. Додон активизировал сотрудничество с Москвой, с Бухарестом, с Тирасполем. Современное политическое руководство Республики Молдова позиционирует себя промолдавским. Позиция по Приднестровью остается достаточно жесткой. Президент Молдовы И. Додон считает, что ПМР – это молдавская территория и готов вести переговоры.

На первый взгляд Приднестровский конфликт – самый легко разрешаемый на территории постсоветского пространства, потому что в основе конфликта нет ни религиозной, ни ярко выраженной этнической подоплёки. Так есть ли возможности разрешения конфликта?

Есть три возможных сценария, как завершить конфликт:

1. Приднестровье получает признание мировой общественности и становится полноценным государством.

2. Приднестровье отказывается от независимости и входит в состав Молдовы на правах автономии, как это было с Гагаузией.

3. Приднестровье станет частью России.

Рассмотрим подробнее все возможные варианты.

Первый вариант вполне реально осуществить. Сразу вспоминается ситуация с Косово, которое признали с подачи США и Евросоюза. В приднестровском конфликте США и ЕС стоят на стороне Молдовы и говорят о «неделимости государства» и «суверенитете», что

никаким образом не мешало им выступать за раскол Югославии, Ливии и других стран, проводя вестернизацию [8, с. 305-307]. Двойные стандарты мешают Приднестровью развиваться. Естественно, народ из-за экономических проблем уезжает из ПМР в поисках лучшей жизни. Возможно, признание помогло бы восстановить экономику (которая работает неплохо даже в современном состоянии государства) и привлекло бы новые инвестиции.

В завершение рассмотрения этого варианта, стоит упомянуть, почему Молдова не согласится отпустить ПМР. В Молдове есть регион Гагаузия, тоже проблемный, который в 1990-е пытался получить независимость. Сейчас Гагаузия – автономный регион в составе Молдовы. Соответственно, признание независимости ПМР может привести к процессам децентрализации в самой Молдове.

С другой стороны, получению независимости Приднестровья может помочь Румыния. В это очень трудно поверить, учитывая, что Румыния наращивает информационную войну против независимой Молдовы. Ситуация следующая: Румыния четко понимает, что объединение Молдовы и Румынии невозможно, пока в Молдове существуют территориальные споры. Это можно увидеть на примере Грузии, которую не хотели принимать в международные организации, такие как НАТО, из-за того, что не был решен территориальный вопрос с Южной Осетией и Абхазией. Румыния готова отказаться от Приднестровья. А отказаться от претензий на территорию – значит помочь получить ПМР статус независимого государства. В подтверждение этому можно привести следующий довод: Румыния, когда говорит об объединении, руководствуется территорией государства на момент 1918 года, когда вся Бессарабия входила в состав Румынии. При этом территория с левого берега Днестра не была частью Бессарабии, а была частью Украины. Так вот, Румыния понимает, что территорию Одесской области Украины Румыния не получит ни коем образом. А территория ПМР Румынии не нужна ни с точки зрения истории, ни с точки зрения экономики. Соответственно, такая двоякая позиция Румынии может помочь обрести независимость Приднестровской Молдавской Республики.

Второй вариант – самый простой. Естественно, объединиться с Молдовой будет самым легким по экономическим причинам. Тут самое сложное – это отношение народов двух государств. В основном, приднестровцы не хотят объединения с Молдовой по идеологическим причинам. Многие еще помнят, что была война, как гибли люди. Но стоит отметить, что сейчас уже появилось новое молодое поколение, которое не видело войны. Более того, опрос, который проводился среди жителей Молдовы и Приднестровья, показывает, что взаимной ненависти среди молодых людей Молдовы и Приднестровья нет. Молодежь понимает, что для конфликта и «горячей» фазы были какие-то причины, притом

политические и экономические, к которым были причастны политические элиты того времени, а не обычные люди.

Естественно, есть и экономическая подоплека объединения двух государств. Видно, что уровень в жизни в ПМР куда ниже, чем в Молдове. Соответственно, приднестровцам выгодна реинтеграция в Молдову.

Стоит сделать ремарку и сказать, что после объединения России придется выводить свои войска с территории ПМР. А это будет означать, что с геополитической точки зрения этот регион будет потерян. Существует еще одна негативная деталь в выводе войск. Помимо таможенного контроля, российские миротворцы участвуют в охране складов с вооружением. Склады огромные, вывезти вооружение трудно: особенно сейчас, когда произошел государственный переворот в Украине. Соответственно, после вывода войск вооружение перейдет под контроль Молдовы.

И, наконец, статус непризнанного государства на руку, в первую очередь, России. Пока не решен вопрос с Приднестровьем, Молдова не может вступить в ЕС и объединиться с Румынией. Таким образом, Приднестровье остаётся зоной российского влияния.

Рассмотрим третий вариант – Приднестровье станет частью России.

В Приднестровье проходило несколько референдумов. Последний на данный момент референдум был проведен в 2006 году, на нем решался вопрос вхождения Приднестровья в состав России. По результатам, большинство населения проголосовало «за» [2, с. 5]. Но решение не было реализовано. Обусловлено это тем, что, во-первых, геополитическое расположение Приднестровья крайне невыгодно. У России и Приднестровья нет общей границы. Во-вторых, Приднестровская Молдавская Республика имеет границу только с двумя государствами: с Молдовой и Украиной. Соответственно, ПМР постоянно находится под давлением этих двух государств, которые, в дополнение, имеют достаточно напряженные отношения с Россией. Ну и, наконец, в-третьих, содержание анклава для России сейчас задача невыполнимая. Российская экономика падает, есть более важные проекты, которые нужно финансировать, такие как Крым, строительство АЭС в Калининграде, борьба с терроризмом.

Таким образом, отношения Приднестровья и Молдовы напряженные: временами они становятся лучше, временами наоборот. Связано это, в первую очередь, с тем, какие задачи стоят перед представителями местных политических элит. Зачастую, вопрос о пересмотре отношений друг с другом или новые проблемы на границе используются руководством обеих стран для отвода глаз от проблем во внутренней политике. Стоит также учитывать тот факт, что на всем протяжении времени после распада Советского Союза в отношениях двух государств принимали участие и Россия, и США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абгарян Р. Э., Синчук Ю. В., Чащихин Б. Д. Политология и политическая теория. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – 460 с.
2. Гамова С. Запасной аэродром Игоря Смирнова // Независимая газета». – 2011. – С. 5.
3. Дабижа Н. Заднестровская Молдова – исконная наша земля // Literaturășiartă, 1990. – 78 с.
4. Касюк А. Я., Манохин И. В., Харичкин И. К. Глобализация и новый мировой порядок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 10 (749). – С. 167-181.
5. Руссу И. Г. Заметки о смутном времени. – Кишинёв: Такт, 1999. – 50 с.
6. Саакашвили: Приднестровье – "черная дыра" Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://point.md/ro/noutati/politica/saakashvili58-pridnestrovje-quotchernaya-diraquot-evropi> (дата обращения: 17.12.2017).
7. Синчук Ю. В. Геополитические вызовы и угрозы современной России на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. – 2014. – № 1 (1) . – С. 69-77.
8. Синчук Ю. В. Россия в мировом политическом процессе: вызовы и угрозы // Трансформация международных отношений в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 305-311.
9. Синчук Ю. В. Современные вызовы и угрозы Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. – 2011. – № 631. – С. 201-220.
10. Феофанов К. А. Цивилизационная теория модернизации. – М., 2016. – 246 с.
11. Харитонова Н. И. Приднестровье: война и перемирие (1990-1992 гг.) // Новый исторический вестник. – 2008. – № 17 (1). – С. 17-19.
12. Харичкин И. К., Макаренков Е. В. Политическое управление: учебное пособие. – М.: Государственный университет управления, 2014. – 123 с.

ВОЛКОВ С. Ю., ПОМЕЛОВА Ю. П.
САМООРГАНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
НА ПРИМЕРЕ ТИБЕТСКОГО НАРОДА

Аннотация. Проживающие во многих странах тибетцы являются одним из самых многочисленных разделённых народов. В статье изучаются результаты самоорганизации тибетского народа в Индии и других странах после массовой иммиграции из КНР в связи с событиями 1959 г. Главную консолидирующую роль в тибетских общинах играет тибетский буддизм – источник интеграции и международной поддержки тибетского сообщества.

Ключевые слова: тибетцы, Китай, буддизм, разделённые народы, миграция, национальные меньшинства, национальная самоорганизация.

VOLKOV S. YU., POMELOVA YU. P.
SELF-ORGANIZATION OF NATIONAL MINORITIES: A STUDY OF TIBETANS

Abstract. Tibetans are one of the most numerous divided nations living around the world. The article describes the results of self-organization of Tibetans in India and other countries after mass immigration from the PRC after 1959. Tibetan Buddhism plays the main role in consolidating Tibetan communities, being the source of integration and international support for Tibetan society.

Keywords: Tibetans, China, Buddhism, divided nations, migration, national minorities, national self-organization.

Проблема разделённых народов и наций, борющихся за свою государственность, весьма актуальна для современной политической науки, что связано как с нарастающим миграционным кризисом, который изменяет этнополитический облик целых регионов, так и с иными деструктивными явлениями в сфере международных отношений, зачастую принимающими крайне опасные формы террористических актов или организованного гражданского неповиновения властям. Тибетцы, наряду с курдами, уйгурами и др., являются в настоящее время одним из крупнейших разделённых народов, и потому выступают в качестве закономерного примера для исследования указанной проблематики.

Несмотря на то, что «тибетской проблеме», возникшей после насильственного присоединения государства к Китаю, исполняется в этом году уже 60 лет, в существующей западной [9, с. 179], а, тем более, отечественной [10, с. 5] историографии остаются значительные пробелы, связанные, в первую очередь, с изучением формирования новой социальной стратификации тибетцев в условиях эмиграции, религиозных предпосылок сохранения национального единства разбросанного по всему миру народа, а также

комплексного анализа проводимой официальным Пекином политики в отношении Тибетской автономии. Данные обстоятельства предполагают необходимость дальнейших изысканий в этих направлениях.

Национальные меньшинства КНР находятся под защитой международного права. Международные соглашения предусматривают ряд положений и разъяснений по защите культурных прав и языков национальных меньшинств. Эти соглашения также обозначают те правовые рамки, которые Китай должен соблюдать и исполнять. Так, «Международный пакт о гражданских и политических правах», ст. 27 (1966 г.) содержит следующие нормы: «в тех государствах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами этой группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» [15, с. 225].

Конвенция о правах ребенка (ст. 30) детализирует положение «Международного пакта о гражданских и политических правах» в отношении прав детей, которые являются членами групп меньшинств: «в тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства или лица из числа коренного населения, ребенку, принадлежащему к таким меньшинствам или коренному населению, не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» [12, с. 230].

Кроме того, Китай также обязан соблюдать Конвенцию ЮНЕСКО 1960 г. о борьбе с дискриминацией в области образования, в которой говорится: «за лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, следует признавать право вести собственную просветительную работу, включая руководство школами, и, в соответствии с политикой в области образования каждого государства, использовать или преподавать свой собственный язык» [13].

Самоорганизация национальных меньшинств возникает в процессе отстаивания ими своих неотъемлемых прав. Этот важный политический феномен является следствием разочарования людей в помощи со стороны признанных авторитетов: духовных лидеров, национальных партий и общественных объединений. Сложившиеся условия подводят их к необходимости действовать самостоятельно и коллективно. По своему конституционно-правовому смыслу самоорганизация национальных меньшинств КНР является процессом их самоопределения в унитарном государстве, которое осуществляется в соответствии с Конституцией КНР и ее действующим законодательством.

Национальные меньшинства и их диаспоры можно воспринимать как сообщества, которым присущи принципы самоорганизации и самоуправления. Именно благодаря им

возможно формирование организационных структур, обеспечивающих самосохранение и развитие национально-культурной самобытности. В то время как в политической сфере преобладает организация над самоорганизацией гражданского общества, в культуре, науке и социальной сфере решающую роль играет самоорганизующееся начало. Оно также преобладает в работе местного самоуправления, в гражданских организациях, стихийно-спонтанного возникающих и функционирующих в периоды общественных изменений.

Ситуацию осложняет то, что некоторые национальные меньшинства КНР относятся к разделенным народам. Отечественный исследователь Ю. А. Балашов относит к разделенным народам этнические группы, территория компактного проживания которых разделена границами двух или более государств, которые «осознают себя в качестве единой общности, стремятся к объединению своего этнического пространства в рамках собственного единого государственного образования или, по крайней мере, к получению широких автономных прав в границах уже существующих государств и формирует специфические механизмы сдерживания культурной дифференциации своих отдельных частей, расположенных по разные стороны государственных границ» [8].

Уйгуры и тибетцы подходят под большинство указанных критериев, отличающих разделенные народы от диаспор или этнических меньшинств. Следовательно, стремление разделенных групп к сецессии или получению широкой автономии в рамках уже существующих государственных образований «усиливает их этническую идентичность и затрудняет формирование гражданской идентичности, способной обеспечить их лояльность к государству проживания» [7, с. 212].

Методы национальной политики Пекина по отношению к меньшинствам во многом находят обоснование в необходимости поддержки ханьцами «отсталых» народов. Но данный подход противоречит способности тибетского сообщества к самоорганизации, в том числе происходящей через протест против включения тибетской культуры в единую национальную идентичность Китая. Несомненные достижения тибетцев, находящихся в эмиграции, свидетельствуют о необъективности официальной государственной оценки потенциала национальных меньшинств КНР.

После присоединения Тибета к КНР произошла массовая эмиграция, которая сделала тибетцев одним из крупнейших разделенных народов, представители которого были приняты в странах Южной Азии, Европы и Америки, прежде всего, в Индии, Непале и Бутане. По данным департамента информации и международных связей тибетского правительства в эмиграции, на 2007 г. численность тибетских беженцев составила около 145 тыс. чел. [14, с. 358].

В свою очередь, правительство КНР устанавливает новые ограничения и с помощью бюрократических формальностей значительно затрудняет перемещения тибетцев, в том числе и монахов, как внутри КНР, так и за границу. Меры национального, провинциального и префектурного уровня, например, «Меры по управлению тибетскими буддийскими монастырями» (ст. 22) 2010 г., предписывают выполнение сложного процесса получения разрешения на поездку, которое «религиозный персонал» должен получить, прежде чем отправиться в другую провинцию, префектуру или даже уезд для обучения или преподавания [2]. Помимо ограничения поездок внутри страны, существует ограничение на поездки за границу. Правительство ограничивает как поездки за рубеж на время, так и в целях эмиграции: например, через многочисленные ограничения по получению паспортов. Поток беженцев в Непал резко сократился с более чем 2000 человек в 2007 году до примерно 100 человек в 2014 году [4]. С 2008 г. правительство также предпринимало меры для уменьшения незаконной миграции тибетцев в Индию: в основном, участников протестных выступлений. За доносы на них правительство выплачивало пособия [6, с. 145].

Многие тибетцы, включая монахов и мирян, стремятся поехать в Индию в религиозных целях, но из-за официальной обеспокоенности в связи с паломничествами за границу китайских граждан, принадлежащих к национальным меньшинствам, посещение религиозных мероприятий за границей и учений Далай-ламы в частности, считается подрывной политической деятельностью.

Подтверждая эффективность принятых мер по прекращению контактов между тибетцами в ТАР и в Индии, секретарь Комитета КПК в ТАР Чэнь Цюаньго (2011-2016 гг.) заявлял, что «в 2015 году ни один человек из Тибетского автономного района не посещал молитвенные собрания Далай-ламы в Индии» [1]. Подобные сложности негативно влияют на буддистские практики и поддержание монашеской традиции, но более того, ужесточение ограничений на поездки и, в частности, неспособность покинуть страну, усугубляют чувство отчаяния среди тибетцев, способствуя выбору самых крайних мер, таких как самосожжение.

По мнению Бертрана Одели, автора книги «Дхарамсала. Тибетские хроники», постоянно расширяется пропасть между тибетцами, живущими под властью китайцев и их соотечественниками, живущими за границей. И нет уверенности в том, что они смогут понять друг друга, если завтра встретятся [16, с. 207].

Согласно программному документу «Базовое образование для тибетцев в изгнании», тибетский народ ответственен перед всем мировым сообществом за сохранение и развитие уникального богатства тибетской культуры и традиций, которые имеют большое значение для всего человечества, во все времена и при любых обстоятельствах. При этом финальной

целью тибетского народа является преобразование всей территории Тибета в зону ненасилия (ахимсы) и мира, преобразование тибетского общества в общество ненасилия и помощь другим народам в поиске пути ненасилия и сострадания [3].

Эффективность самоорганизации тибетцев подтверждается тем, что они смогли почти «с нуля» создать работоспособную систему организации власти, основанную на демократических принципах разделения и выборности властей. В 1992 г. Далай-лама опубликовал основные рекомендации по перспективному социально-экономическому и политическому строю государства, в которых заверил, что он не будет выполнять каких-либо обязанностей в будущем правительстве Тибета [14, с. 359]. Ещё через 10 лет Далай-лама сложил с себя обязанности политического главы тибетского правительства в изгнании. В результате выборов в 2011 г., в которых участвовала 83-тысячная тибетская диаспора по всему миру, главой правительства Тибета в эмиграции стал Лобсанг Сангей [11].

В настоящее время в Дхарамсале действуют три ветви власти «Центральной тибетской администрации: законодательная (парламент), исполнительная (правительство) и судебная (высшая судебная комиссия). Действует конституция, известная как «Хартия тибетцев в эмиграции». Из 46 членов парламента 43 избираются народом, три выдвигаются Далай-ламой [14, с. 358]. При этом в международных отношениях тибетскую диаспору продолжает, в основном, представлять именно Далай-лама XIV.

Эффективная деятельность по налаживанию общественно-политических институтов в условиях эмиграции наглядно свидетельствует о важных результатах работы управленческих структур тибетцев: им удалось возродить не только религиозную обрядность, но и сохранить культурные достижения, которые постепенно приходят в упадок в рамках Тибетского автономного округа КНР.

Тибетцы-мигранты печатают более 40 периодических изданий: среди них более 10 газет, а также содержательные журналы, в том числе «Lungta», издание международного масштаба, и «Yantsho» о борьбе за освобождение женщин [18].

С момента китайской оккупации Тибета в 1959 г. и последующего переселения тысяч тибетцев в Индию, Непал и Бутан одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед тибетском правительством в изгнании стала организация всеобщего образования и забота о детях, многие из которых потеряли своих родителей во время оккупации или перехода через Гималаи. Содействие в этом вопросе тибетцы получают от правительства Индии, создавшего Центральную администрацию тибетских школ, а также многочисленных благотворительных фондов, таких как Фонд Тибетский Дом, Массури, Фонд Снежный лев, Фонд Катманду.

Сегодня большинство тибетских школ в тибетских поселениях функционируют благодаря вышеуказанным организациям [5].

В тибетских школах в обязательном порядке изучается не менее трех языков: кроме собственно тибетского, учащийся должен на уровне пользователя владеть определенным вторым иностранным языком (варианты: хинди, китайский, английский и испанский), а также получить навыки чтения и письма на третьем языке (может быть языком региона, в котором расположена школа). «При этом в дошкольном образовании и до третьего класса школы никакой другой язык, кроме тибетского не должен преподаваться» [3].

Прошло 60 лет с начала пребывания тибетцев в иммиграции, и в чужой языковой и этнической среде они не только получили опыт выживания в мультикультурном сообществе, но также усовершенствовали методы миссионерской деятельности, в соответствии с требованиями современного общества. Тибетский буддизм – это источник интеграции и конструирования идентичности тибетского общества. В отличие от хуэй и уйгуров – приверженцев ислама, входящих в глобальную исламскую умму, тибетская религиозная традиция является автохтонной. Это, несомненно, упрочняет идентификацию с буддизмом, в том числе и на Западе, а любые ограничения, налагаемые китайскими властями на религиозную практику на индивидуальном и коллективном уровнях, воспринимаются как жесткие меры, затрагивающие саму суть Тибета.

С другой стороны, в то время как западные наблюдатели, как правило, сетуют на безвозвратную утрату традиционной тибетской культуры под тяжестью современной китайской экономической экспансии, тибетский буддизм обретает новые формы. В эпоху глобальной гиперкоммуникации и проницаемости границ, религиозные движения не только проникают через границу Китая, но и выходят за её пределы. Тибетский буддизм за последние пятьдесят лет вышел за пределы распространения среди тибетского, монгольского, бурятского и калмыцкого народов и стал мировой религией с последователями по всему миру. Центр тибетского буддизма уже не имеет однозначной привязки к Тибету.

Адаптация и популяризация буддийского учения, его распространение в странах Европы, Северной Америки, Австралии является значимым фактором пристального интереса международной общественности к судьбе Тибета. Буддийские общины в Германии, Франции, Англии, Польше, Скандинавии начали численно разрастаться в 1980-е гг., а в начале 1990-х гг. этот процесс затронул и европейскую часть России [17, с. 176]. Дхарма-центры, обучающие разным направлениям тибетского буддизма открылись во многих крупных городах по всему миру. В центрах проводятся коллективные медитации, есть возможность получить посвящение или послушать лекцию. Ключевым элементом и социальной базой распространения буддизма

и привлечения внимания международного сообщества к вопросу Тибета выступают буддийские международные неправительственные организации: как тибетские, так и организации европейских и американских буддистов. Конечно же, число последователей буддизма в европейских странах не очень высоко. Более того, существуют определённые проблемы адаптации буддизма в непривычном культурном контексте. Однако с помощью единого информационного, в том числе, электронно-сетевого пространства, существует и активно реализуется возможность объединения и интеграции тибетской диаспоры как в социально-экономической, так и в гражданско-политической сфере.

Несмотря на благожелательное отношение к тибетцам со стороны мирового сообщества, сами они утверждают, что если бы появилась возможность, то 80% из них захотели бы вернуться на Родину и их нельзя назвать счастливыми – ни в Индии, ни в США, где живет почти девять тысяч тибетцев [16, с. 130]. Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что тибетцы на данный момент представляют собой межгосударственное детерриторизованное этносообщество, обладающее высоким уровнем самоорганизации, способное устоять даже в период такого неизбежного кризиса, как смена их духовного лидера.

ЛИТЕРАТУРА

1. 全国, 陈. 严明政治纪律和政治规矩 是立党之本 / 陈全国 // 中国纪检监察报 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://csr.mos.gov.cn/content/2015-11/09/content_19075.htm 100 (дата обращения 12.04.2019).
2. 国家宗教事务局令第8号《藏传佛教寺庙管理办法》// 国家宗教事务局令 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/gzdt/2010-10/08/content_1717257.htm (дата обращения 12.04.2019).
3. Basic Education Policy for Tibetans in Exile [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sherig.org/wp-content/uploads/2013/01/Basic-Education-Policy.pdf> (дата обращения 12.04.2019).
4. Chinese crackdown on Tibetan Buddhism / Ed. A. Bernard. – P.: International Federation for Human Rights, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fidh.org/IMG/pdf/en-report-tibet-4.pdf> (дата обращения 12.04.2019).
5. Historical Background: Exile Tibetan School Education / Sambhota Tibetan Schools Society [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sambhota.org/historical-background-exile-tibetan-school-education> (дата обращения 12.04.2019).
6. Афолина Л. А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.): дисс... к.и.н.: 07.00.03. – М., 2016. – 218 с.

7. Балашов Ю. А. Механизмы формирования гражданской идентичности разделенных этносов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2007. – № 3. – С. 212-217.
8. Балашов Ю. А. Разделенные народы: проблемы изучения, особенности развития и механизмы воздействия на политические процессы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/4215> (дата обращения 12.04.2019).
9. Воробьев М. В. Тибетская эмиграция в западной историографии // Вестник Бурятского госуниверситета. Педагогика. Филология. Философия. – 2010. – № 8. – С. 179-183.
10. Гарри И. Р. Тибетский вопрос и национальная политика КНР в Тибете: 1951-2001 гг.: дисс... д.и.н.: 07.00.03. – Улан-Удэ, 2009. – 497 с.
11. Киеня С. Тибет: Вместо Далай-ламы – юрист из Гарварда // Режим доступа: <http://www.interfax.by/article/83003> (дата обращения 12.04.2019).
12. Конвенция о правах ребенка / Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок четвертая сессия, Дополнение № 49 (А/44/49) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения 12.04.2019).
13. Конвенция ЮНЕСКО 1960 г. о борьбе с дискриминацией в области образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml (дата обращения 12.04.2019).
14. Кузьмин С. Л. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. – СПб.: издание А. Терентьева, 2010. – 578 с.
15. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/racpol.shtml (дата обращения 12.04.2019).
16. Одели Б. Дхарамсала. Тибетские хроники. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2005. – 333 с.
17. Островская Е. А. Онтология религиозного конфликта: транснациональная коммуникативная сеть // Хора. – 2009. – № 1 (7). – С. 171-181.
18. Официальный сайт Института Амни Мачен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amnyemachen.org/> (дата обращения 12.04.2019).

КУРОЧКИНА К. В.

**ПРИКЛАДНЫЕ МЕТОДЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
ТЕОРИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ
В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА¹**

Аннотация. Данная статья посвящена изучению прикладных методов, применяемых при проведении политических исследований: экспертного опроса, анкетирования, контент-анализа, когнитивного картирования, фокус-группы, Интернет-мониторинга, SWOT-анализа, сценарного анализа. Обосновывается необходимость использования комплекса теоретических и прикладных методов исследования для поиска эффективных решений политических проблем и задач в области нациестроительства, что обусловлено практической направленностью политологии как науки.

Ключевые слова: политическое исследование, прикладные методы, экспертный опрос, анкетирование, контент-анализ, когнитивное картирование, фокус-группа, Интернет-мониторинг, SWOT-анализ, сценарный анализ.

KUROCHKINA K. V.

**APPLIED METHODS IN POLICY RESEARCH: THEORY AND POTENTIAL
FOR PRACTICAL USE IN STUDYING THE PROBLEMS OF NATION-BUILDING**

Abstract. This article considers the applied methods in policy research: expert survey, questionnaire, content analysis, cognitive mapping, focus groups, Internet monitoring, SWOT-analysis, scenario analysis. The authors show the need of using a complex of theoretical and applied research methods for finding effective solutions for political problems and tasks in the field of nation-building due to the practical orientation of political science.

Keywords: policy research, applied methods, expert inquiry, questioning, content analysis, cognitive mapping, focus group, Internet monitoring, SWOT-analysis, scenario analysis.

Прикладные политологические исследования предполагают комплексное использование теоретических и прикладных методов для получения актуальной информации об исследуемом явлении для решения общественных проблем и противоречий. Достоинство прикладных методов исследования заключается в их практической направленности, т.к.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи», № 18-011-00364 А.

результатом их проведения становится выработка практически значимых рекомендаций, необходимых для решения тех или иных общественно-политических задач и вопросов и т.д.

Например, исследование процесса нациестроительства предполагает изучение его основных подходов, соответствующего законодательства и его совершенствования, программных документов, предпринимаемых государством практических действий, способствующих реализации целей и задач, заявленных как особо важные для дальнейшего совершенствования национальных отношений в Российской Федерации, и требует прикладного анализа.

Разумеется, методология любого исследовательского проекта должна представлять собой комплекс теоретических и прикладных методов исследования. Различают качественные методы исследования, служащие для смысловой интерпретации данных, и количественные методы, в основе которых лежит использование специальных средств для статистической обработки информации.

Прикладное политическое исследование своей главной целью ставит выработку конкретных рекомендаций политикам, государственным деятелям, политическим элитам, в которых отражаются преимущества того или иного изучаемого политического процесса или явления. В процессе их проведения часто используются такие методы как экспертный опрос, анкетирование, контент-анализ, когнитивное картирование, фокус-группа, Интернет-мониторинг, SWOT-анализ, сценарный анализ.

Экспертный опрос как метод прикладного исследования являет собой процесс направленного интервьюирования наиболее компетентной в конкретной области части населения для получения качественной информации по необходимым вопросам. По мнению В. А. Ядова, для экспертного опроса как опроса специалистов многие методы, применимые в массовых вопросах, неприемлемы [7, с. 98].

Главными критериями при отборе экспертов является степень их профессионализма в изучаемой проблеме, авторитет, объективность и личная незаинтересованность в результатах исследования. Так, если нас интересует вопрос развития политической ситуации в стране, в качестве экспертов можно опросить какого-либо государственного служащего или политолога. Если изучается вопрос о формировании и развитии имиджа территории / региона, значимым будет мнение представителей органов государственной власти и управления, журналистов, предпринимателей и представителей научного сообщества, занимающихся имиджевой проблематикой.

Достоинствами данного метода исследования являются относительная простота его проведения, применимость результатов для прогнозирования любой политической ситуации

даже при условии недостаточности информации, а также возможность и качественной, и количественной интерпретации полученных данных. Среди недостатков экспертного опроса необходимо выделить вопросы достоверности полученной информации, определенные трудности в процессе организации опроса и в обработке его результатов. Технологией организации экспертного опроса, определению основных этапов его проведения, критериев отбора экспертов, а также оценке достоверности и качества полученных результатов в ходе его проведения посвящены работы Е. С. Голосовой, О. С. Кошевого, Т. В. Кузьменко, Ш. Г. Сеидова, Г. В. Сменцарева, Д. И. Хлебович [7; 10; 16; 19] и др.

Одним из эффективных способов узнать, о чем люди думают и как они зачастую склонны поступать в той или иной ситуации, Дж. Б. Мангейм и Р. К. Рич считают метод опроса. Наиболее популярной разновидностью опроса является анкетирование [12, с. 183]. Анкетирование представляет собой метод сбора информации от респондентов посредством заполнения последними определенного списка вопросов – анкеты по заданной проблематике исследования. Результаты проведенного анкетирования, как правило, способствуют формированию статистических данных, отражающих отношение респондентов к поставленной проблеме.

Анкетирование широко применяется в политологии, социологии, психологии и других науках. Так, например, наиболее часто в политической практике анкетные опросы проводятся политическими консалтинговыми кампаниями (Фонд эффективной политики, «Никколо М», Фонд «Политика», «ИМА-консалтинг» и т.д.) на постоянной основе (лонгитудно) для выявления мнения населения по ключевым вопросам развития общества. Кроме того, исследовательским институтом в сфере социальных, политических и маркетинговых опросов в России является ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения, который ежедневно проводит различные опросы и анкетирования населения для изучения общественного мнения по тем или иным социально-политическим вопросам.

Для изучения массивов политической информации используют экспликативный метод контент-анализа, основанный на переводе массовой текстовой информации в количественные показатели с последующей статистической обработкой. Контент-анализ применяется в прикладных политологических исследованиях для решения таких задач как отслеживание политического поведения кандидатов и команд, анализ выбранной ими стратегии и средств ее реализации; определение основных и формирующихся линий критики политической кампании и конкретных кандидатов; отслеживание процесса формирования и эволюции имиджа политического лидера в СМИ; выявление круга проблем, волнующих

избирателей и др. Данный метод не требует больших затрат на проведение и обладает высоким эвристическим потенциалом, однако он достаточно сложен и предоставляет больше субъективную, нежели объективную информацию по изучаемому явлению.

Когнитивное картирование является качественно-количественным методом политического исследования, который изучает восприятие субъектами политики различных явлений и устанавливает наиболее вероятную реакцию на развитие ситуации. Чаще всего когнитивное картирование применяется при исследовании политических кризисов и конфликтов. Главной целью метода служит предсказание решения политического субъекта. В основе метода лежит поиск взаимосвязи между лингвистическими структурами текста и представлениями его автора.

Для получения достоверной информации касательного интересующего политического процесса или явления, а также выявления отношения респондентов к нему используют метод фокус-группового исследования. Начало его применения приходится на середину XX в., когда американские социологи Р. Мертон и П. Лазарсфельд разработали его методику для выявления эффективности воздействия радио на население. В наши дни фокус-групповые исследования широко применяются в политологии, социологии, психологии, экономике и т.д. [4, с. 8].

Исследователи по-разному оценивают значение фокус-группы. Так, О. В. Жигарь, считая данный метод наиболее эффективным в интерактивном обучении, говорит о том, что его главное достоинство заключается в возможности наблюдения процесса интеракции в ходе сбора данных, а также в установлении личностного контакта не только с модератором группы, но и с другими ее участниками [5, с. 111]. Г. В. Варганова считает фокус-группу наиболее востребованным качественным методом исследования, в рамках которого ключевым моментом является отбор модераторов и респондентов, т.к. именно от них зависит качество и достоверность будущей интерпретируемой информации [4, с. 8].

Необходимо отметить, что в наши дни Интернет является универсальным средством получения любой необходимой информации. Интернет-мониторинг синтезирует в себе количественную и качественную составляющую исследования, позволяет осуществить систематизированное изучение содержания контента различных социальных сетей с последующей фиксацией наиболее часто повторяющихся сюжетов, включая темы, сообщения, комментарии, видео- и аудио-ресурсы, касающиеся интересующей исследователя проблемы. С помощью Интернет-мониторинга становится возможным определение частоты упоминаемых политических понятий и явлений, выявление отношения

к ним пользователей социальных сетей посредством изучения эмоциональной окраски их отзывов и комментариев.

Большинство исследовательских работ, в которых так или иначе задействован Интернет-мониторинг, показывают, что он способен быть результативным при получении любой интересующей исследователя информации. Так, Е. Я. Хасаева проводит исследование возможностей социальных медиа в контексте исследования проблем социальной напряженности и делает вывод, что государственные органы власти должны уделять как можно больше внимания Интернет-технологиям и мониторингу социальных сетей как наиболее эффективным методам сбора информации [18, с. 125].

Используя Интернет-мониторинг, С. Ф. Липницкий отмечает необходимость обращения к нему в социальных и политических исследованиях, которая заключается в том, что этот метод позволяет своевременно выявить потенциально опасные тонально-окрашенные сообщения для поддержания репутации определенной организации или конкретной персоны, фигурирующей в этих сообщениях [11, с. 100].

SWOT-анализ выступает своеобразным инструментом, позволяющим всесторонне проанализировать ситуацию, дав возможность в конечном счете определиться с выбором той или иной стратегии действий. Как правило, для изучения политической ситуации в рамках SWOT-анализа составляется определенная матрица, в которой учитываются, во-первых, сильные (Strengths) и слабые (Weaknesses) стороны исследуемого процесса с точки зрения его внутренних ресурсов (финансовое обеспечение, наличие эффективных связей и политического влияния, определенные аспекты биографии, если речь идет об имидже какого-либо политического деятеля и т.д). Во-вторых, оцениваются возможности (Opportunities), которые отражают благоприятные факторы внешней среды, так или иначе влияющие на ход исследуемого процесса, его авторитет и эффективность, и угрозы (Threats) как негативные воздействия внешних факторов, способных значительно ослабить политическую кампанию, снизить ее авторитет и даже привести к полному ее свертыванию [13, с. 52].

Определению места SWOT-анализа в системе прикладных методов исследования, его применению в политической, экономической и социальной сферах, а также изучению его преимуществ и недостатков посвятили свои работы множество отечественных авторов, в их числе – О. И. Батракова, С. В. Изосимов, Е. Н. Кошкина, В. Н. Крючков, И. Г. Напалкова, В. В. Подгорнов, И. Н. Симаева, Е. Ю. Туркина [2; 6; 8; 9; 13; 14; 15; 17] и др.

Говоря о преимуществах данного метода исследования, С. В. Изосимов и А. Л. Шевченко отмечают универсальность его применения в различных сферах

общественной жизни, способность адаптации к объекту исследования любого уровня, возможность самостоятельно выбирать анализируемые элементы в зависимости от поставленных целей, а также возможность использования SWOT-анализа не только для оперативного контроля деятельности кампании, но и для построения стратегических планов ее будущего развития. Существенными недостатками метода выступают вероятностный характер оценки возможностей и угроз, необходимость комбинирования SWOT-анализа с другими прикладными методами для получения более полной и точной информации, отражение в матрице только целей исследования (мероприятия по их реализации разрабатываются отдельно) [6, с. 32-33].

Для составления прогнозов развития той или иной исследуемой проблемы часто используют сценарный анализ. По мнению А. С. Ахременко, предвидение политических изменений является одним из ведущих факторов правильной стратегии и тактики политического управления, целевого воздействия на политические процессы [1, с. 3-4]. Обоснованно подчеркивается, что назначение данного метода исследования заключается в разработке сюжетной схемы с несколькими направлениями, в которой предпринята попытка определить возможные варианты развития с учетом текущего состояния и вероятных вызовов [3]. Несомненной заслугой сценарного анализа является комплексная оценка каждого из разработанных вариантов развития общественно-политической ситуации, а также возможность изучения ее структурных особенностей и предсказание дальнейшего ее развития.

В целом можно сказать, что сценарный анализ направлен на борьбу с неопределенностью, которая затрудняет принятие важного политического решения. Благодаря разработке нескольких сценариев (они могут быть оптимистичными, умеренными и пессимистичными), ориентированных на преодоление сложностей в рамках исследуемых аспектов проблемы, а также оценке их вероятности и влияния на политическую ситуацию, сценарный анализ может стать самым оптимальным способом преодоления проблем, исходящих из окружающей среды.

Таким образом, при проведении прикладного политического исследования необходимо использовать комплекс теоретических и прикладных, количественных и качественных методов. Это связано с тем, что одной из особенностей политологии как науки является ее практическая направленность, т.е. нацеленность на решение конкретных политических задач. Результаты приведенных выше прикладных методов исследования способны оказать значительную помощь в выработке подобных решений, а также в

построении прогнозов развития политической ситуации на определенный период времени, что крайне важно и необходимо при реализации политики нациестроительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахременко А. С. Сценарный метод прогнозирования политических процессов: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 1999. – 153 с.
2. Батракова О. И., Скороходова И. Г. SWOT-анализ кадровой политики предприятия // Kant. – 2012. – № 2 (5). – С. 16-19.
3. Бахлова О. В. Сценарный анализ в политическом прогнозировании: оценки отечественных исследователей // Материалы II Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе». Саранск, 26.09 – 31.10.2011 г. (Язык. Культура. Общество. Выпуск 3. 2011 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yazik.info/2011-32.php> (дата обращения 17.11.2018).
4. Варганова Г. В. Виртуальные фокус-группы как метод научного исследования // Библиосфера. – 2010. – № 2. – С. 8-12.
5. Жигарь О. В. Использование метода фокус-групп в процессах интерактивного обучения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 111-119.
6. Изосимов С. В., Шевченко А. В. Метод SWOT-анализа: его место в методах исследования, преимущества и недостатки // Экономикс. – 2013. – № 2. – С. 29-34.
7. Кошевой О. С., Голосова Е. С., Сеидов Ш. Г. Организация экспертного опроса с привлечением специалистов органов государственного и муниципального управления // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1 (21). – С. 98-107.
8. Кошкина Е. Н. SWOT-анализ применения дистанционного обучения в России // Вестник Международного института экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 27-31.
9. Крючков В. Н. Методологические аспекты SWOT-анализа // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2005. – № 10. – С. 41-49.
10. Кузьменко Т. В. Экспертный опрос как основа принятия управленческих решений // Социологический альманах. – 2017. – № 8. – С. 434-443.
11. Липницкий С. Ф. Анализ тональности текстовых сообщений в Интернете на основе моделирования вербальных ассоциаций // Вести Национальной Академии Наук Беларуси. – 2014. – № 1. – С. 100-107.

12. Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования / пер. с англ. – М., 1997. – 544 с.
13. Напалкова И. Г., Солдатов А. С. Прикладные методы исследований механизмов управления территориальными системами // Регионология. – 2014. – № 11. – С. 46-54.
14. Подгорнов В. В. SWOT-анализ как инструмент управления интегрированной экономической системой // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 11-16.
15. Симаева И. Н., Хитрюк В. В. Инклюзивное образовательное пространство: SWOT-анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – № 5. – С. 31-39.
16. Сменцарев Г. В. Теоретические и практические аспекты выбора универсальной методики анализа эффективности деятельности учреждений культуры // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2013. – № 5. – С. 53-65.
17. Туркина Е. Ю. SWOT-анализ управления бюджетом субъекта РФ // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2006. – № 4 (33). – С. 131-134.
18. Хасеева Е. Я. Возможности и ресурсы Интернет-мониторинга социальной напряженности // Возможности и угрозы цифрового общества. – 2018. – № 1. – С. 125-129.
19. Хлебович Д. И. Экспертный опрос как инструмент исследования проблем высшего профессионального образования: предпосылки и практика использования // Известия Байкальского государственного университета. – 2013. – № 6. – С. 12-20.

САГАЛАЕВА С. С., ХАРИЧКИН И. К.

**ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РОССИИ
В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Аннотация. Позитивный имидж государства является одним из ключевых элементов, обеспечивающих успешность внешнеполитической деятельности страны, эффективным инструментом коммуникации с целевыми группами. Значительная часть представлений о стране в общественном сознании иностранных граждан формируется вследствие влияния средств массовой информации. В статье рассматриваются особенности транслирования образа России британскими СМИ.

Ключевые слова: имидж России, массовое сознание, СМИ Великобритании, медиадискурс, внешнеполитический образ, публичная дипломатия.

SAGALAEVA S. S., KHARICHKIN I. K.

**RUSSIA'S PERCEIVED IMAGE IN MEDIA DISCOURSE
OF THE UNITED KINGDOM**

Abstract. The positive image of the state is a key element that assures the state's foreign-policy success and an effective communication tool for various target groups. A significant part of the national image in collective conscience of international societies is promoted via mass media. The article deals with the features of Russia's image cultivated by the British media.

Keywords: image of Russia, collective conscience, British mass media, media discourse, foreign policy image, public diplomacy.

Российскими и зарубежными исследователями уделено значительное внимание теме конструирования имиджа государства. Среди них как исследователи прошлого века (Эдвард Бернейс, Айви Ли), сделавшие ряд открытий в сфере публичной дипломатии и заслуженно именуемые сегодня «историческими отцами» PR, так и современные исследователи (С. Анхольт, Э. Галумов, А. Федякин), имеющие ряд трудов в области вопросов формирования позитивного образа государства в массовом сознании зарубежной аудитории.

На протяжении многих лет главным связующим звеном между событиями в мире и образами в общественном сознании реципиентов – представителей той или иной страны – являлись средства массовой информации, а в эпоху глобализации и информатизации их роль еще более возросла. И хотя Николас Кул в своем исследовании и выделял иновещание в отдельный компонент [3], но отдавал предпочтение по значимости иным структурным составляющим публичной дипломатии, то большинство исследователей последних лет отводят СМИ главенствующую роль в формировании внешнеполитического имиджа страны.

Объектом настоящего исследования является внешнеполитический имидж современной России в британском общественном сознании, транслируемый посредством авторитетных английских изданий. Предмет исследования – особенности и проблемы формирования позитивного внешнеполитического имиджа России в контексте развития отношений с Великобританией. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа эффективности внешнеполитического имиджа России в условиях обострения геополитического противоборства на международной арене.

Эмпирическим материалом данной исследовательской работы послужили тексты публикаций качественных британских газет: ежедневной *The Guardian* и еженедельного издания *The Observer* за 2017-2018 годы. *The Guardian* имеет тираж более 160 000 экземпляров в день, сайт газеты является самым посещаемым сайтом среди британских изданий [2]. *The Observer* является старейшей в мире воскресной газетой с еженедельным тиражом более 450 000 экземпляров.

Огромные объемы обновляющихся текстов с политической информацией в электронных ресурсах делают невозможным личное изучение человека с его содержанием. Для решения этой проблемы в настоящее время широко используются программные продукты аналитической обработки текстовой информации в рамках статистического подхода, включающие методы контент-анализа и др. [11, с. 102]. При проведении качественного и количественного контент-анализа нами были отобраны все публикации, по тексту которых содержится упоминание о России. В связи с тем, что издания имеют весьма высокий показатель по освещению российской тематики, нами было проанализировано в общей сложности 1437 статей, включающих в себя как публикации новостного потока, так и редакционные комментарии и колонки экспертов.

Образ России в английском дискурсе складывается как из исторически укоренившихся стереотипов, по словам британского историка Ч. Пирсона, о «неевропейской и агрессивной империи», так и из политической конъюнктуры настоящего, остро резонирующей с новыми информационными потоками. Существует разница в том, как события в нашей стране рассматриваются в России и за рубежом, что подвергается критике и какие выводы делают представители того или иного издания.

При качественном анализе эмпирический материал был разбит по тональностям публикаций: позитивные, умеренно позитивные, нейтральные, умеренно негативные и негативные публикации. Негативная тональность публикации предполагает транслирование негативного образа России, а также связанных с Россией понятийных единиц, передающееся открытой лексикой. Умеренно негативная тональность публикации предполагает транслирование связанных с Россией единиц когнитивной организации политического

сознания в негативно сдержанной форме. Такие публикации не содержат открыто-негативной оценочной лексики в тексте, но, из-за передачи неявного негативного оттенка, формируют у читателя негативный осадок. Публикации с нейтральной тональностью не содержат в себе какую-либо оценочную лексику, транслирование образа России по всему тексту данных публикаций передается при помощи политически неокрашенных лексем. Публикации с тональностями позитивными и умеренно позитивными различаются по уровню передаваемого в них положительного оттенка и в зависимости от сдержанности характера транслирования материала.

Необходимо подчеркнуть, что по меньшей мере 60% статей каждой отдельно взятой политической темы, освещаемой британскими СМИ, являются негативными, что указывает на высокую степень напряженности информационной обстановки по отношению к России в настоящее время (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение публицистических материалов по тональностям
(The Guardian, The Observer) за период 2017-2018 гг.

Отметим, что количество публикаций на тему угрозы кибербезопасности за последнее время возросло, а процент их негативной тональности по отношению к России намного выше, чем показатель негативной тональности сравнимо широко освещаемой темы ядерной эскалации. Частое упоминание в рассмотренных материалах словосочетаний «cyberwar», «hacking», «data protection», «fake news» отвечает вызовам современности и указывает на расширение информационно-телекоммуникационной инфраструктуры неотъемлемо

влекущее за собой развитие деятельности по обеспечению безопасности информационных систем, главным образом, на государственном уровне. Основные новостные статьи, отнесенные к данной теме, касались предполагаемого «вмешательства России» в выборы в США, «вмешательства России» в референдум по Brexit и иных вмешательств, сопровождающихся распространением фейковой информации в социальных сетях, по мнению Запада, российскими хакерами («Russian trolls») с целью влияния на результаты конкретных политических событий или мнения населения той или иной страны.

Большое количество публикаций по данной теме и смещение акцентов в сторону России, представление страны и ее главы как «главного врага западным демократиям» выводит публикации данного рода на первое место по уровню негатива в информационной обстановке последних двух лет.

Стоит отметить, что «особый политический накал» в контексте российско-британских отношений был достигнут в марте 2018 года после отравления в британском городе Солсбери экс-полковника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери Юлии. 77 % публикаций, освещающих «дело отравления Скрипалей», являются негативными, и только 20 % – нейтральными. *«Людам было трудно представить, что какая-либо другая страна отправит кого-то сюда, чтобы провести этот возмутительный акт»* [6], *«Два московских убийцы принесли химический ужас в английский город»* [1] – большинство статей не просто содержат оценочную лексику относительно произошедших событий, они прямо повествуют о событиях, оперируя «фактами», оставляя у читателя четкий образ виновника – России. При этом российская действительность в данного рода публикациях представлена как *«страна многочисленных спецслужб, собирающих секреты и проводящих операции за рубежом»* [8].

Как пишет российский исследователь В. А. Аватков о событиях в Грузии, освещаемых десять лет назад: «Несмотря на успешное ведение боевых действий, информационную войну Россия проиграла, и западным СМИ удалось представить ее мировой общественности в образе агрессора» [9, с. 31]. Русофобская политика западных СМИ всецело сохраняется и в настоящее время. Прямым тому подтверждением является освещение рассматриваемыми изданиями событий на Украине и в Сирии. Публикации, касающиеся включения двух новых субъектов в состав России, которое именуется во всех западных СМИ не иначе как «аннексия Крыма», а также действий российских военных в Сирии, направленных на устранение угрозы «Исламского государства», ярко освещаемых как «поддержка Б. Асада Кремлем» и «военные действия России направленные против мирных жителей», имеют резко негативную тональность и, ввиду большого количества статей по данным темам, способствуют созданию в массовом сознании зарубежной аудитории крайних односторонних оценок.

Благодаря проводимому в России Чемпионату мира по футболу процент позитивных по тональности газетных статей возрос, однако в анализируемых британских медиа-изданиях данная тема транслировалась сдержанно, в связи с чем не оказала значительного влияния на общее отражение имиджа России за рассматриваемый период. Хорошую возможность для отслеживания динамики информационной обстановки предоставляет диаграмма, формирующая представление о том, каково соотношение материалов различных тональностей (см. рис. 2).

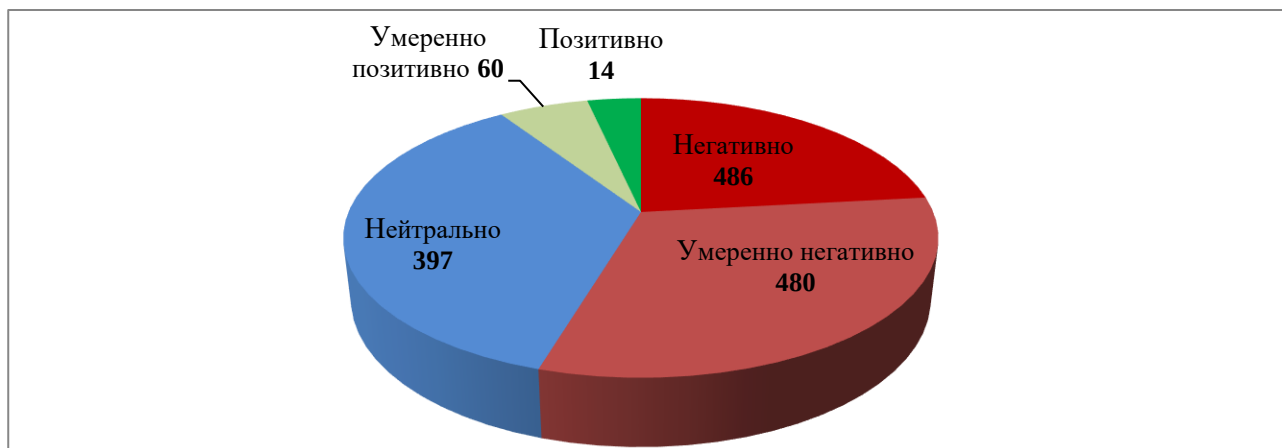

Рис. 2. Соотношение публикаций по тональностям за 2017-2018 гг.

Диаграмма указывает на сформировавшийся напряженный информационный фон вокруг России, что неотделимо влечет за собой формирование негативного имиджа страны. Особым образом отобранная и частично интерпретированная информация и составляет медиареальность, посредством которой формируется устойчивое отношение внутренней аудитории к «восточному соседу».

В публикациях рассматриваемого периода особенно ярко указывается на авторитарность России, в том числе это подчеркивается употреблением идеологемы «путинская Россия». Транслируется образ России, как чужого государства: *«Спустя почти столетие мы все еще неправильно понимаем пропаганду как нечто, что делают только другие, более злые люди, организации и государства – и, в первую очередь, путинская Россия»* [5], так и угрозы другим демократиям: *«Мы должны вместе противостоять Путину. Если мы этого не сделаем, он осмелеет в своей войне с нашими либеральными демократиями»* [4]. Негативная тональность подобных публикаций усиливается, в том числе, использованием концепта «русский медведь»: *«Запад слишком часто уступает, в то время как русский медведь порочит наши либеральные демократии, развращает наши политические системы, взламывает наши политические партии, загрязняет наши сетевые*

платформы и пытается вернуть европейские страны назад к насильственному и разрозненному прошлому» [4].

Информационная агрессия, создающая и поддерживающая русофобские настроения во всем западном мире, привела также к тому, что премьер-министр Великобритании Тереза Мэй учредила в правительстве должность министра по борьбе с подрывной деятельностью. По данным газеты *The Times*, задачей нового министра будут «обширные усилия внутри правительства по защите неприкосновенности демократической жизни в Британии» на фоне опасений, что российские кибератаки, фейковые новости и деньги могут дестабилизировать демократию в стране [10, с. 69]. Тем самым, подход Т. Мэй в отношении России «сотрудничай, но будь бдительным» («engage but beware») вылился сегодня в политику сдерживания России [7].

Таким образом, в медиа-дискурсе образ России характеризуется совокупностью мировоззренческих установок, существующих в британском общественном сознании и связанных как с историческими событиями прошлого российского государства, так и с текущей политической обстановкой. Как показывают «дело Скрипалей», «вмешательство» в выборы или версия «белых касок» о химической атаке в сирийском г. Дума, сегодня имеет место формирование последовательной технологической цепочки, основанной на вбросе информации правительством западных стран, раздувании истерии, базирующейся на уже стереотипной оценке «режима», медиаподдержке как способе обработки общественного мнения. Все это приводит к консолидированному политическому демаршу союзников, направленному против России.

Внешнеполитический имидж России на данный момент испытывает беспрецедентное информационное давление со стороны как британских СМИ, так и официальных лиц, что значительно снижает его эффективность и жизнеспособность. России следует активно использовать инструменты «мягкой силы», способствующие формированию позитивного международного имиджа страны, среди которых: создание сети органов внешнеполитической пропаганды, широкое использование приемов и методов PR, а также устранение объективно существующих внутривнутриполитических проблем. В ином случае продолжится существующая тенденция британских СМИ к оказанию информационного давления, в рамках которой изображенная перед читателями субъективная картина происходящего будет и далее восприниматься большинством как объективная реальность. Это, в свою очередь, может повлиять и на эффективность проводимых внешнеполитических проектов, так как имидж в данном случае является важным элементом информационной поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. 'Will they forgive me? No': ex-Soviet spy Viktor Suvorov speaks out [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/29/ex-soviet-spy-viktor-suvorov> (дата обращения 13.03.2019).
2. Alexa – Top Sites by Category: News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alexa.com/topsites/category/News> (дата обращения 13.03.2019).
3. Cull N. J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – 616(1). – pp. 31–54 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/0002716207311952> (дата обращения 13.03.2019).
4. Europe needs a collective defence strategy to counter Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/22/europe-collective-defence-strategy-counter-russia-putin> (дата обращения 13.03.2019).
5. If you talk about Russian propaganda, remember: Britain has myths too [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/mar/21/russia-propaganda-skripal-britain-churchill> (дата обращения 13.03.2019).
6. Putin allegedly gave Skripal poisoning suspect hero's award [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/oct/09/putin-allegedly-gave-skripal-poisoning-suspect-heros-award> (дата обращения 13.03.2019).
7. UK Prime Minister tells Trump to "engage but beware" of Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.com/world/927570> (дата обращения 13.03.2019).
8. What does the expulsion mean for Russia's spies? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-europe-43550186> (дата обращения 13.03.2019).
9. Аватков В. А. Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль. – 2016. – № 5 (1659). – С. 27–38.
10. Грамматчиков А., Вандышева О. Идет кибервойна народная // Эксперт. – 2017. – № 5. – С. 13–19.
11. Цацкина Е. П. Исторический аспект интеграции математических методов и политических процессов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. – 2017. – Вып. 3 (787). – С. 95–104.

УЛЯШКИНА Е. Г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются позиции российских парламентских партий, зафиксированные в их программных и предвыборных документах, относительно функционирования международных организаций, первоочередными задачами которых являются поддержание международного мира и безопасности и обеспечение международной стабильности. Проводится сравнительный анализ партийной программатики в ракурсе обозначенной проблематики, определяются общие и специфические положения в подходах партий в анализируемой области.

Ключевые слова: избирательная кампания, НАТО, ОДКБ, ООН, парламентские партии, партийная программатика, Россия, Совет Европы.

ULYASHKINA E. G.

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN GLOBAL SECURITY: OFFICIAL STANDPOINTS OF RUSSIAN POLITICAL PARTIES

Abstract. The article studies the viewpoints of Russian parliamentary parties, fixed in their program and election documents, concerning the functioning of international organizations, the primary tasks of which are the maintenance of international peace and security and ensuring international stability. The comparative analysis of the party programs in the perspective of the issue in question is carried out. The general and specific provisions of the official standpoints of the parties are determined.

Keywords: election campaign, NATO, CSTO, UN, parliamentary parties, party programs, Russia, Council of Europe.

Быстро меняющиеся условия взаимодействия на мировой арене различных субъектов показывают, что на сегодняшний день эскалация международных конфликтов и появление новых привлекает внимание не только ответственных международных организаций, но и внутригосударственных политических субъектов. Российская Федерация на современном этапе находится в непростой политической обстановке. С одной стороны, она отстаивает свои государственные интересы и позиции на мировой арене, оказывает необходимую поддержку другим странам для нормализации внутривнутриполитической жизни и т.д., а с другой, подвергается критике со стороны различных международных акторов и агентов, усматривающих некие угрозы в ее действиях. Современное мироустройство функционирует таким образом, что поддержание мировой стабильности и обеспечение международной

безопасности не может обойтись без международных организаций, внутренний функционал которых напрямую либо косвенно затрагивает вопросы мирового порядка.

Политические партии РФ как быстро адаптирующийся элемент политической системы государства наиболее оперативно реагируют на любые политические события, происходящие в период крупных избирательных кампаний, подтверждая свою позицию весь следующий межвыборный период. Последние полномасштабные выборы в органы законодательной власти в Российской Федерации прошли 18 сентября 2016 г., в ходе которых был заново сформирован Парламент, органы законодательной власти субъектов и представительные органы муниципалитетов. Несмотря на то, что партийные приоритеты выстраиваются в первую очередь вокруг внутренней политики, анализ предвыборной программтики демонстрирует возросший интерес партий к внешнеполитическим вопросам: в частности, относящимся к проблематике международной стабильности. Выделим основные константы в этой области.

Так, в партийной программике российских парламентских партий акцентируется первостепенное значение сохранения мирового порядка, выстраивания взаимовыгодного диалога между странами, экономического и политического сотрудничества различных акторов, поддержания международной стабильности путем отказа от военной агрессии и признания роли специализированных международных организаций в данном процессе.

Сравнительный анализ партийных документов показал, что координирующую роль в системе международной безопасности парламентские партии, как и Российская Федерация, отводят Организации Объединенных Наций (ООН). Все политические партии, члены которых получили парламентские мандаты на федеральном уровне, признают, что ООН – универсальная платформа урегулирования международных разногласий, призванная сохранять мир и порядок на международной арене. В предвыборных программах 2016 г. лишь Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (ЕР) в разделе «Справедливость и безопасность для мира и для России» называет ООН центральным механизмом в урегулировании международных конфликтов [7]. Однако все парламентские партии РФ признают принципы взаимоуважения и недопущения конфронтации стран, что является основополагающим в деятельности Организации Объединенных Наций.

Содержание партийной программтики также указывает на важность для мирового сообщества деятельности ООН. К примеру, политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ) ссылается на Всеобщую декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН, при выдвижении лозунгов, призывающих за мирный переход к социализму [9]. Политическая партия «Справедливая Россия» (СР) утверждает, что некоторые субъекты международных отношений намеренно действуют в

обход Совета Безопасности ООН, прибегая к односторонним и групповым силовым вмешательствам во внутренние дела некоторых государств [10]. Политическая партия ЛДПР – Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) подчеркивает значимость ООН на мировой арене, предлагая выстраивать внешнеполитическую деятельность России таким образом, чтобы занимать достойное место в складывающейся структуре. В данном случае, на наш взгляд, ЛДПР призывает к существующему формату взаимодействия, неизменности основных принципиальных организационных механизмов, основным из которых является право «вето», поскольку сейчас активизировались посягательства на него. Данная инициатива начала пропагандироваться с 1993 г., но в последние годы носит систематический характер. Так, представитель ЕР С. Железняк утверждает, что подобная активность исходит в первую очередь от США, которые не оставляют намерения превратить ООН в управляемый инструмент для влияния на неугодные страны [2]. Одним из знаковых событий стал выход Соединенных Штатов из Совета ООН по правам человека. По мнению политика, Вашингтон пытается лоббировать свои интересы посредством шантажа и ультиматумов, сопровождающихся критикой данной структуры. ЛДПР в данном вопросе поддерживает единокороссов, полагая, что реформирование ООН волнует другие страны лишь в части наличия права «вето» у России [1]. Лидер партии «Родина» А. Журавлев считает, что ООН уже является отчасти управляемым инструментом США для ослабления роли России на мировом пространстве. Анализ содержания официального сайта партии показал, что основные вопросы расстановки сил в мире рассматриваются ею через призму участия США, что подтверждается наличием отдельной вкладки для размещения периодической информации. То есть различные заявления парламентских представителей относительно деятельности ООН показывают усредненное мнение партий в русле изучаемого вопроса. Существующий формат данной организации, по мнению партийных элит, наиболее приемлем для сохранения мирового порядка. Интересно, что политическая партия «Гражданская Платформа» (ГП), помимо урегулирования мировых кризисов, возлагает на Организацию разработку и принятие нормативного правового документа, регулирующего деятельность по снижению антропогенного воздействия на природу [8].

Однако в контексте партийной программтики не все международные организации, в чьи интересы входит проблематика урегулирования международных кризисов и конфликтов, воспринимаются парламентскими партиями России позитивно. КПРФ, ЛДПР и СР воспринимают США и их союзников (применительно к деятельности Организации Североатлантического договора – НАТО) как потенциальную военную угрозу для национальной безопасности России и международной стабильности. Так, депутат фракции КПРФ в Госдуме Ю. Синельщиков утверждает, что НАТО всеми силами осуществляет

экспансию «демократических ценностей» на Восток, используя предательство местных элит, «майданные технологии» и угрозу применения военной силы [4]. Для коммунистов и справедливороссов главной военной угрозой для России выступает подтягивание натовской инфраструктуры к российским границам. Руководитель фракции партии «Справедливая Россия» О. Нилов в ответ на заявление генсека НАТО Й. Столтенберга о намерении принять Грузию в Альянс подчеркнул необходимость сохранения баланса сил и реальных возможностей заключения того или иного союза с Россией, в том числе оборонительного со странами Центральной Америки [5]. КПРФ считает, что Североатлантический альянс таким образом стремится реализовать попытку очередного передела мира. ЛДПР предлагает провести модификацию взаимоотношений с НАТО, ОБСЕ, Европарламентом и Советом Европы, полагая, что это именно те структуры, которые реально способны влиять на внешнеполитическую деятельность Российской Федерации вопреки ее интересам. Несмотря на то, что партии признают существование реальных угроз, исходящих от некоторых международных организаций, они все же настаивают применении методов при решении различных задач, основанных на взаимоуважении и равенстве.

Примечательно, что партийные программные документы не содержат информации по функционированию ОДКБ, хотя именно странам постсоветского пространства парламентарии уделяют особое внимание. На наш взгляд, данные положения скрываются за размытыми формулировками относительно общего укрепления коллективных начал в обеспечении мирового порядка. Так, анализ контента официального сайта Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации демонстрирует наличие интереса парламентариев к функционированию данной организации. В контексте выступлений, обращений и заявлений представителей Госдумы, повесток пленарных заседаний, анонсов различных форумов прослеживается заинтересованность парламентариев в наращивании сотрудничества в рамках ОДКБ, вкупе с другими международными площадками, ориентированными на урегулирование конфликтов.

Таким образом, парламентские партии Российской Федерации признают, что для стабилизации международной обстановки и поддержания мирового порядка необходимо функционирование различных международных организаций в данной сфере. Невзирая на то, что на современном этапе федеральные органы государственного управления не всегда солидарны с мнением западных партнеров, они все же стараются найти конструктивные пути решения различных проблем. Парламентские партии в данном ключе не являются исключением. Сравнительный анализ партийной программтики показал, что в разрезе деятельности различных международных организаций механизмы ООН признаются наиболее предпочтительными для урегулирования различных вызовов. Однако справедливо

акцентируется внимание на том обстоятельстве, что Россия в данной структуре должна занимать достойное место. Сравнительный анализ партийных документов показывает, что среди региональных систем коллективной безопасности наибольшее внимание уделено Североатлантическому альянсу и его партнерам. Хотя российские партии воспринимают Организацию как потенциальную угрозу не только России, но и мировой стабильности, они допускают желательность взаимовыгодного диалога и решения в сфере поддержания международной безопасности на условиях взаимоуважения. Несмотря на то, что ЛДПР предлагает пересмотреть концепцию взаимоотношений с ОБСЕ, Европарламентом, НАТО и Советом Европы, официальные представители Государственной Думы на практике применяют дипломатические средства, призывая к налаживанию диалога. Организация Договора Коллективной Безопасности для парламентариев является важным инструментом не только сохранения баланса мировых сил, но и механизмом дальнейшей интеграции стран бывшего Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елена Строчкова: государства, подписавшиеся под инициативой Трампа, разрешили реформировать ООН по указке США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://лдпр-мытищи.рф/elena-strokov-a-gosudarstva-podpisavshiesya-pod-initsiativoj-trampa-razreshili-reformirovat-oon-po-ukazke-ssha/> (дата обращения 21.01.2019).
2. Железняк: Выходом из Совета ООН по правам человека США пытаются продавливать свои интересы в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://er.ru/news/169009/> (дата обращения 18.01.2019).
3. Конышев В. Н. Проблемы взаимодействия Российской Федерации и Организации Объединенных Наций в области миротворчества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕКС. – 2016. – Т. 12. – № 3. – С. 70-82.
4. КПРФ призывает признать военнослужащих, не допустивших вторжения войск НАТО в Чехословакию, ветеранами боевых действий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rline.tv/news/2018-07-25-kprf-prizyvaet-priznat-voennosluzhashchikh-ne-dopustivshikh-vtorzheniya-voysk-nato-v-chekhoslovakiyu/> (дата обращения 11.01.2019).
5. Олег Нилов: если НАТО ставит против России такие фигуры, как Грузия и Украина, пусть ждет аналогичных действий от нас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spravedlivo.ru/9072210> (дата обращения 21.01.2019).
6. Петровчук А. Ю., Послова А. С., Баранов Г. В. Национальная безопасность России и мировая политика // Политология. – 2017. – № 4 (14). – С. 93-94.

7. Предвыборная программа Партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://er.ru/party/program/> (дата обращения 25.01.2019).
8. Программа политической партии «Гражданская Платформа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/press/news/programma-i-ustav-politicheskoy-partii-grazhdanskaya-platforma> (дата обращения 21.01.2019).
9. Программа политической партии «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/press/news/programma-politicheskoy-partii-kommunisticheskaya-partiya-rossiyskoy-federacii> (дата обращения 02.02.2019).
10. Программа политической партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/press/news/programma-politicheskoy-partii-spravedlivaya-rossiya> (дата обращения 16.01.2019).
11. Шамаров П. В. Концептуальные аспекты перспективной миротворческой деятельности Российской Федерации // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 2. – С. 145-149.